

ЯНВАРЬ ВОСКРЕСЕНЬЕ 30 1938 год № 6 (713) Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Последние дни Щорса

Глава из повести «Щорс»

Е. Герасимов М. Эрлих

В августе 1918 года фронт дивизии Щорса дрогнул. Обстановка сразу резко изменилась. Организаторы интервенции — генеральные штабы Франции, Англии и Польши помогли Петлюре сформировать в Галиции новые части, привести свое войско в порядок и снова бросить его в наступление. Петлюровские полки наступали с юго-запада, отрезая дивизию от соседних частей Красной Армии. Но петлюровцы были уже не одни. Со всех сторон дивизию сжимали белые полчища контрреволюции и интервенты. С севера дивизию угрожали обходом белополки. С востока к Киеву уже подходили денкивцы. Дивизия попала в мешок. Ее полки, отбиваясь, отходили на Шостовку и Новоград-Вольск. Никаких подкреплений Щорс получить не мог. Это были дни, когда Денкин угрожал Москве, а Юденич — Петрограду. На эти решающие фронты стягивались все силы Красной Армии. Щорс должен был рассчитывать только на свои, измотанные в боях, давно не снабжавшиеся, подбросные полки.

Вражеское кольцо сжималось вокруг дивизии Щорса все теснее. Имотанный, истощенный опять обострившейся болезнью, Щорс носился в своем запыленном дребезжащем автомобиле из бригады в бригаду, из полка в полк. Там, где положение было особенно напряженным, где тревожные слухи о готовящихся маневрах врага вынуждали растерянность неопытных командиров, где вот-вот бойцы могли поддаться панике, вдруг появлялся Щорс, как всегда спокойный, сдержанный, полнотелый, хотя и с поперевинным от усталости лицом. Снимая автомобильные очки, вытирая са слеза пот, он говорил, смеясь: — Ну и погодка, чорт возьми! В такую погоду только боюшком и можно воевать. Дни стояли безоблачные. От аэра до аэра жарко и горяче, как в июле, солнце заливало своим спокойным, ровным светом золотое живые убранные поля, а ночью, когда черное небо уходило в бесконечную звездную даль, безветренный воздух был сух, как порох. Вырвались снаряды, а казавшие, что это ложная неуспешная вылазка.

В одну из таких ночей Щорс приехал в 3-й Богуский полк, расположенный в пограничье около железнодорожного полустанка. Настроение у бойцов было подавленное. Кто-то распространял слух, что чуть ли не два корпуса отборных войск врага уже окружили полк, и этой ночью все бойцы будут перебиты. Люди готовились к бою, как к смерти, но надеясь на победу. Ознаменовавшись обстановкой, Щорс приказал секретарю полкового партийного комитета сейчас же собрать всех коммунистов.

В помещении станционного буфета, тускло освещенном керосиновой лампой, собралось девять человек. Молча и хмуро они ожидали Щорса.

Стекла дрожали от артиллерийской канонады и взрывов снарядов. Красный бронепоезд переставлялся с петлюровским. Снаряды рвали у семафора. Вошел Щорс.

— Ну что, срединя? — спросил он сухо. Кто-то гудко отозвался: — Мы не трусим. — Я знаю, — сказал Щорс, — вы богуницы, а богуницы всегда спрашивают — не сколько врагов, а где враги.

Щорс сел к столу, сняв фуражку. — Ну, подвигайте ко мне. Кто в школе за партой не сидел, учись сейчас. Карандаши и бумагу на стол. Все уселся за стол, и все как-то сразу повеселели, почувствовали себя увереннее, сильнее.

— Сегодня я хочу провести с вами маленькое занятие на тему: грощ цена тому коммунисту, который не умеет воспитывать людей в коммунистическом духе. Тема понятна? Запишите на память. Пригодится. И не торопитесь, спокойно, как будто вы сидите далеко от фронта, в школе, за учительским столом, Щорс начал читать лекцию о методах политического воспитания бойцов.

Канонада усиливалась, снаряды рвали уже около самой станции. Какой-то командир бежал в вокзальное помещение с испуганным лицом. — Разрешите доложить, товарищ нахдич. — Я сейчас выйду. Подождите после. Окочив лекцию, Щорс сказал: — А теперь вот что: спать вам эту ночь, конечно, не придется. Надо сейчас же разяснить бойцам обстановку и политический момент. Силы противника преувеличены, но бой будет суровый. Предупредите всех, что отступать нам некуда.

К 30 августа обстановка сложилась такая: все полки дивизии сосредоточились в районе железнодорожного узла Коростень, прикрывая единственную дорогу на Киев в Советскую Россию. Щорс получил приказ: ни в коем случае не допустить сдачи Коростеня, чтобы дать возможность эвакуировать из Киева раненых и военное имущество. Враг, загоняя дивизию в мешок, надеялся потопить ее в реке Припяти. Щорс подготовил уже свой последний резерв — школу краскомов. Но он твердо решил бросить ее в атаку только в случае крайней необходимости.

Днем, 30 августа, Щорс выехал на машине в район села Белоницы, где расположились на позициях 1-й Богуский полк, защищавший Коростеньский железнодорожный узел с юга. Здесь ожидался главный удар галицко-петлюровских войск, прорывавшихся к Коростеню.

В селе Щорс сошел с машины. За огородом торопливо оккупались богуницы. Недалеко за бургом артиллеристы выпрыгивали лошадей из орудий, устанавливая батареи на позиции. Вдали, за полем, у хутора, заметно было в бинокль движенье петлюровцев, видимо готовившихся к наступлению. То тут, то там потрескивали одиночные выстрелы.

Щорс направился к переднему краю оборонительной полосы. навстречу ему вышла группа командиров-богуниц. Кто-то заметил, что поле обстреливается. Щорс не обратил на это внимания. Он проходил мимо оккупывающихся красноармейцев, здороваясь, называя некоторых по имени. Он был весел и шутил.

Красноармейцы говорили: — Вы бы, товарищ нахдич, побереглись. Тут пуля, как челнок, летает. Щорс смеялся:

три, четыре» — и вдруг замолк, опустил голову на землю, как будто задремал от усталости. Прокленко крикнул: — Товарищ Щорс! Щорс не отозвался. Прокленко подполз, снял с его головы фуражку. С легкого виска стекла на бороду струйка крови. На затылке волосы тоже были в крови. Пуля пробила голову навылет. Шпором, от одного к другому, передавалась весть: «Товарищ Щорс убит, найдены погнб». Цепи богуниц замерли. Но вот кто-то подползал во весь рост, крикнул голосом нечеловеческой силы: «Да здравствует товарищ Ленин! Да здравствуют большевики! За Коммунистический интернационал — ура!», вымахнул над головой винтовкой и побежал вперед. Он упал, сраженный пулей, в нескольких шагах от окопов, но окопы уже опустели: по полю, молча, с винтовками наперевес бежали в атаку полянывшиеся без комманды богуницы. Несколько минут захлебывались лая петлюровские пулеметы, испуганно трещали винтовки. В поле разорвалось, поднимая фонтаном землю, с десятком снарядов, а потом все затихло. Богуницы все бежали вперед. Повзды остались петлюровские пулеметы и батареи с переколотой прислугой.

Последний, получивший Щорсом, боевой приказ был выполнен: дивизия отстояла Коростеньский железнодорожный узел. Через несколько дней, прорвав окружение, она соединилась с частями Красной Армии, действовавшими на Правобережной Украине.

Письмо пулеметчика Живоного отгу в деревню Заречное на Северной Черниговщине. «Любезный папаша! Шлет вам поклон ваш сын, красивый пулеметчик, эвакуированный из Киева для излечения смертельных ран в уездный военный госпиталь города Клинтцы. Пронеслась у нас в госпитале страшная весть о безвременной смерти нашего молодого нахдича, дорогого товарища Щорса, смертью храбрых павшего в бою под Коростенем. Но никто из пребывающих тут на излечения своих ран богуниц не мог поверить этой вести, бойцы встали в косяк и запели песню о командире-большевике:

То не сколд, не оред, Кружик крылом, Сам Щорс зволь фронта Летит верхом.

Но я, будучи нем, не мог, папаша, петь: челюсть рта моего еще не работает, так что приходится употребить в пишу молоко, а хлеба незначительно, продавая мякоть за зубцы, пребывающие в сжатом состоянии. Голова у меня, папаша, все еще забитована. Открыл один только правый глаз, начинающий привыкать к белому свету. И что же? Страшная весть оказалась горькой правдой. В наш уездный город Клинтцы прибыл траурный поезд с гробом Щорса, поставленного в рощице, чтобы тыщич рабочих и крестьян соседних уездов Черниговской губернии могли прийти и отдать ему низкий поклон. Мы, бойцы, пребывающие на излечении от ран в военном госпитале, кто мог хопить на своих ногах или костылях, тоже пришли с большой любовью и грустью — поклонились праху дорогого нахдича, запитого спиртом в гробу. Много старых бойцов нашего семейного отряда и других большевиков встретилось у гроба нахдича. Стояла тут, отдавая честь своему супругу, наша хабарская разведчица Фая Дюцова. Слышать, она поехала от Щорса дитя. Встретился я тут со своим другом, Казимиром Табельчуком, рисующим масляными красками картинку нашего военно-революционной жизни. Он сидел у гроба и рисовал на большом холсте Щорса, оживающего на вороном коне с обнаженной шапкой по зеленому полю-степи. Мне очень понравилась эта картина, изображающая Щорса в героическом виде.

Теперь сообщая вам, папаша, что не ждала меня в скором времени по излечении от ран домой, потому что, как однажды сказал перед боем Щорс своею большевистскую формулу: «Революция диктует, советская власть приказывает, а мы, большевики, должны выполнять и добиваться». Со всех концов наступают войска белых генералов, но восторжествует Советская страна стала войска, так что наша Советская страна стала войска, мы твердо стоим на большевистской формуле и оговором трудящихся, всюду жажущих оводом и оцветья, до самого Тихого и Ледовитого океанов.

К сему любящий ваш сын, красивый пулеметчик Живоного.

Щорс не отрывал глаз от бинокля. Солнце уже отходило, краснело, нило к горизонту. Стайка перелеток тяжело, со свистом, поднимаясь из живняка и полетела низко над золотисто-розовым полем в сторону хутора. Петлюровский пулеметчик, выпустив очередь, замолк на минуту и застрочил опять. Пули поднимали пыль над живняком шагах в двадцати от Щорса.

— Ждут, нады, пока стемнеет, — сказал Щорс, не отрывая глаз от бинокля, и вдруг, повернувшись, совсем другим тоном, как-то по-детски весело спросил: — А почему вы в этой степи нам не выстрелите горю? Что вы скажете на это, товарищ Прокленко? Прокленко удивленно посмотрел на Щорса и почесал затылок.

Щорс засмеялся: — Разве плохое место для города? — Зачем плохое! Подходящее место. Кто-то сказал: — Товарищ Щорс шутит. Щорс покачал головой: — Серьезно говорю, товарищи. Я подумал сейчас: сколько за этот год выросло в дивизии прекраснейших людей! Честное слово, мне жалко будет расставаться с ними после окончания гражданской войны. И зачем? Почему бы нам всем не остаться вместе, не построить дивизию где-нибудь в неспокойной степи образованной социалистической горю? Назовем его что бы «Богуница». Как вы, товарищи, смотрите на такое предложение, а?

Батарея открыла огонь. Щорс опять уткнулся в бинокль. Несколько снарядов легло возле аэра. Щорс считал: «Рад, два, три, четыре» — и вдруг замолк, опустил голову на землю, как будто задремал от усталости.

В 1922 году Блюхер был назначен председателем военного совета Дальневосточной республики. Приморье было занято японцами. Как и все интервенты, японцы приехали к шаблонному приему, — они создали во Владивостоке белое правительство Меркулова, сами же изображали из себя только недолгих друзей, призванных этим правительством для защиты от большевиков. Свое настоящее лицо японцы показали во время переговоров с представителями Дальневосточной республики в Дaireне в 1921 году. В этих переговорах участвовал Блюхер. Японцы выставили ряд наглых и разоблачительных требований. Они требовали, чтобы на территории Дальневосточной республики не был введен коммунистический режим, требовали сохранения частной собственности, уничтожения всех укреплений и береговых батарей, передачи им, якобы на 80 лет, Северного Сахалина. Наконец они требовали, чтобы на Тихом океане Дальневосточная республика не держала ни одного военного корабля.

Представители Дальневосточной республики отбили резким отказом и уехали из Дaireна. Тогда японцы бросили против частей народно-революционной армии Дальневосточной республики банды атамана Калмыкова и генерала Молчанова. Чтобы охарактеризовать этих людей, достаточно привести отзыв о Калмыкове американского генерала Гресса, интервента, начальника американских экспедиционных войск на Дальнем Востоке. Ему-то уж не было смысла разоблачать Калмыкова.

«Калмыков, — сказал Гресс, — был самым отъявленным негодом, которого я когда-либо видел». Калмыкова сменил Молчанов. Лоуанг у Молчанова был простой: — «Перед к Кремлю!»

В декабре 1921 года войска Молчанова перешли нейтральную зону, установленную между Владивостоком и Хабаровском, и захватили Хабаровск. Части народно-революционной армии отступили.

«Необходимо было, — говорит Блюхер в своих воспоминаниях, — крепко ударить белых интервентов в зубы». Вскоре после занятия Хабаровска белыми Блюхер был назначен главнокомандующим народно-революционной армией. Он уничтожил в ней дух партизанщины и привнес в нее регулярную армию, хотя и по-прежнему еще одетую и вооруженную, но все же гораздо более крепкую и дисциплинированную, чем раньше.

С первых же дней своей военной работы Блюхер стремился к превращению вооруженных рабочих дружин и партизанских отрядов в регулярные красноармейские части. Он боролся за дисциплину, за четкость, за культурность армии, за немедленное вооружение, за использование всего ценного, что заключалось в военной практике других стран. Иными словами, он всегда боролся за то, чтобы армия первого в мире социалистического государства была непобедимой.

Вступив в командование армией Дальневосточной республики, Блюхер немедленно начал разрабатывать план сокращения количества ударов по войскам генерала Молчанова. В поезде, по пути на Дальний Восток, он написал письмо генералу Молчанову, являющееся блестящим образцом агитации. Письмо это широко распространили по белой армии и только после этого перешли самому Молчанову.

«Я солдат революции, — писал Блюхер, — и хочу говорить с вами прежде, чем начать последний разговор на языке пушек. Какое солнце вы предпочитаете видеть на Дальнем Востоке? То ли, которое краснеет на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю после дней очищающей революционной грозы?»

На станции Волочаевка белые создали вторую — дальневосточный Перекол. Высокая сопка Корани около станции была ослеплена проволочкой в шесть рядов. Все было нарыто окопами, блиндажами, волчьими

Солдат революции

Отрывок из биографии товарища Блюхера

Константин Паустовский

Народно-революционная армия была одна, плохо обуя. В армии был всего один старенький танк. Стояли жестокие невыносимые морозы в 40-45 градусов. Несмотря на это, Блюхер решил взять Волочаевку. Старые военные специалисты считали, что брать Волочаевку зимой — безумие, что армия погибнет от мороза, не сможет даже вести огня, что операцию надо отложить до весны. Но Блюхер назначил штурм Волочаевки на 10 февраля, — жаль было воевать, каждый день промедления укреплял белых и усиливал наглость интервентов.

10 февраля, поздним утром, на низкой болотистой равнине, засыпанной снегом, в редком березнике, свистевшем от дельного ветра, в жестоком морозе, в зимней тяжелой мле бойцы народной армии начали штурм сопки Корани — подступа к Волочаевке.

Пальцы прилипали к затворам, мороз душил, ослеплял, пули авенали в застывшем воздухе, как в битом стекле. Проваливаясь в снегу, бойцы ломали колтушу проволочку руками и несколько раз ходили на белых в штыковые атаки. Бронепоезда были по частям народной армии соседствующим огнем. Белые заливали равнину огнем свинца. Раненых было немало, потому что раненые падали в снег и замерзали от чудовищной стужи. Многие замерзали во время перебежек.

К вечеру бой стих, не дав решительных результатов. Обмороженные части народной армии оставались.

11 февраля боя не было. Наши части лежали в снегах около проволочных заграждений противника. «На морозе, от которого стыла кровь, — пишет один из участников волочаевских боев, — задела армия Восточного фронта.

Блюхер по колону в снегу обходил наши части. Веселый и простой, он шутил с народоармейцами, очень внимательно слушал и тепло отвечал. В беседе его открылось, загорелое лицо быстро меняло свое выражение. Когда он был чем-нибудь недоволен, его черные брови тесно сдвигались. Блюхер недавно прибыл на фронт, но народоармейцы его уже хорошо знали и любили.

Места вокруг Волочаевки были безлюдные, пустынные. Поблизости не было ни деревьев, ни поселков. На равнине стояло только три небольших дома. Вось день 11 февраля бойцы по очереди отогревались в этих домах. У многих бойцов были отморожены уши и руки. Дома были жарко напелены. В одну маленькую комнату набивалось по 400-500 бойцов. Люди лежали штабелями друг на друге.

Белые недоумевали. Молчанье народной армии они приняли за какую-то военную хитрость и начали нервничать. 12 февраля в седом рассветном дыму народная армия бросилась на второй штурм Волочаевки. Бой за короткое время достиг жестокого напряжения. К десяти часам утра все равнина дрожала от орудийного грома и криков атакующих частей. Белые дрогнули.

Заросшие инеем, засыпанные снегом, окутанные паром от дыхания, бойцы народной армии пошла в штыки. Тусклое солнце осветило цепи людей, похожих на глыбы снега и льда. Эти люди не держали плащом на земле. Они бежали вперед по снегу, покрытому ровными латями крови, и казалось — ничто в мире не могло их остановить.

Белые не выдержали. Они начали отходить, отстреливаясь от бойцов народной армии, как от призраков, потом отход превратился в бегство. Днем Волочаевка была взята, а 14 февраля был взят и Хабаровск.

Героизм красных частей под Волочаевкой был беспримечен. Даже сдержанный Блюхер, обзавая места боя, сказал, что он затрудняется выделить доблесть какой-нибудь отдельной части: героически боролся и самоотверженно глядели в лицо смерти все дивизии очищающей революционной грозы!»

Даже белые были восхищены отвагой наших частей. Полковник Ардунов, командовавший белыми частями в районе Волочаевки, убегая к Иману, сказал, что он всем был красным герцем Волочаевки дал по героическому кресту.

Белым не помогло ничто — ни прекрасное вооружение, ни опытное командование, ни то, что белая армия хорошо питалась, была тепло одета. Не помогли и призывы генерала Молчанова к своим старшим начальникам «вдувать в сердца подчиненных страшный дух победы и наэлектризовать солдатого».

Через несколько дней в Спасске народная армия встретилась с японцами. Японцы начали отходить к Владивостоку, — их карта была бита. Вскоре и Владивосток стал советским или, как сказал Ленин, стал «нашенским».

За разгром белых и интервентов на Дальнем Востоке Блюхер был награжден четвертым орденом Красного Знамени. Слава его как полководца перешла за рубежи Советского Союза. Иностранцы военные специалисты писали о нем, как о блестящем стратеге, писали, скрепя сердце, с тайным страхом в душе.

Вельдые вражеские газеты говорили о Блюхере, что он «слаб, хитер, но наши войска с божьей помощью его разобьют». Врагья не мог помочь ни бог, ни чорт, ни даже высокая военная техника, переданная ему оккупантами, ибо в классово войне победа определяется не только силой оружия, но и чувством правого дела.

«Смерть Щорса». С картины художника М. Карповского (Выставка «Цветущая Украина», Киев)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР — РОМЭН РОЛЛАНУ

Выдающемуся французскому писателю, другу СССР, великому гуманисту нашей эпохи Ромэну Роллану сегодня исполняется 72 года. В связи с этим Академия наук СССР отравила в Вильнев — небольшой городок в Швейцарии, где проживает Р. Роллан, следующую телеграмму: Академия наук СССР, гордится тем, что имеет Вас в числе своих почетных членов, приветствует в Вашем лице неумолимого борца за освобождение человечества и желает Вам еще долгих лет плодотворной деятельности для победы прогресса и свободы над фашистским обскурантизмом и варварством.

Президент Академии наук СССР академик В. Л. КОМАРОВ

В ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Чего мы ждем от партийного отдела «Литературной газеты»

Новое лицо «Литературной газеты» должно найти свое выражение и в создании действенного партийного отдела в газете. Задача партийного отдела — это работа в партийных организациях, контролировать их работу, бороться вместе с ними за партийность литературы...

Совещание секретарей парткомов в редакции

Для систематического освещения на страницах газеты работы писательских и издательских партийных организаций в редакции «Литературной газеты» создан партийный отдел. 27 января партийный отдел провел первое совещание секретарей парткомов. Выступившие на совещании заместители секретаря парткома союза советских писателей т. Френкель, секретарь парткома Гослитиздата т. Везушкин, секретарь парткома издательства «Советский писатель» т. Павлов и секретарь парткома Жургиза т. Абольников...

Правильные выводы

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Ленинградском отделе «Смена» (от 29 ноября 1937 г.) была помещена статья «Проверки руководящих парторганизаций Ленинградского отделения союза советских писателей». Для проверки фактов, изложенных в этой статье, городской и районный комитеты ВКП(б) создали объединенную комиссию (т.т. Хмара, Орлов, Гусев-Оренбургский), которая подробно ознакомилась с состоянием парторганизации и всего Ленинградского отделения союза писателей. Выводы комиссии были заслушаны 27 января на заседании бюро Дзержинского района ВКП(б). На заседании присутствовали все партийная организация союза писателей, бюро района и присутствовавшие писатели-коммунисты приняли следующие выводы комиссии...

О ПРИЕМЕ В ЧЛЕНЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Около полутора назад президиум союза советских писателей принял решение «...на каждом заседании президиума рассматривать заявления о приеме в союз советских писателей с предварительным обсуждением их на секциях и местных организациях с безусловным опубликованием рекомендательных статей в «Литературной газете» и других газетах и журналах...». Проведение приема в члены союза писателей в январе-декабре 1937 г. утвержденный президиумом правления (ЛХ 1937 г.). Товарищи предлагали наладить на страницах «Литературной газеты» обмен опытом партийно-массовой работы. Решено каждый месяц созывать совещание секретарей парткомов при партийном отделе «Литературной газеты».

«Симфония обвинений» тов. Дубровского

Партийная учеба — важнейшее средство политического воспитания коммуниста. Как же организовать партийное просвещение в партийной организации при Журнально-газетном объединении? Отдельные члены данной парторганизации до сих пор не усвоили решений пленума ЦК ВКП(б). Партийная учеба — важнейшее средство политического воспитания коммуниста. Как же организовать партийное просвещение в партийной организации при Журнально-газетном объединении?

Из решения парткома союза советских писателей по делу тов. Е. Усевич

1. Отметить, что тов. Усевич допустил в своих критических работах грубые политические ошибки, выразившиеся в том, что, во-первых, в своей статье о П. Васильеве, опубликованной в 1934 г., т. Усевич пытался восхвалять его, как «поэта миллионов», и, во-вторых, в статье «О политической поэзии» («Лит. критик» № 5, 1937 г.) высказала утверждение, что «наша поэзия хиреет».

Разговор до ужина

Леонид Ленч. Однажды у переводчика Кисина собралась группа писателей. Поговорили о литературных кадрах, указав на то, что «установку партия о выдвинутых новых молодых, проявивших себя на деле (у нас — в творчестве) кадров, наши секции не проводят». Эти вопреки еще понятны по адресу секции прозаиков и критиков, которые действительно никакой работы с новыми литературными кадрами не ведут. Но зачем же метать такие громы перед теми, кто не имеет никакого отношения к литературе.

Проводник служебно-ромыской собаки «Вильям» пограничника-свердловчанина С. А. Сименова в дозоре. (Западная граница УССР).

Первый Всесоюзный съезд союза работников искусств

Печальную картину состояния работы ЦК профсоюза Рабис нарисовал тов. Пашковский в своем отчетном докладе на Первом всесоюзном съезде профсоюза работников искусств, который открылся 29 января в Москве. Отрыв от масс, отрыв от производственных предприятий, невероятно слабая политико-воспитательная работа среди членов союза работников искусств, бюрократические методы руководства, политическая бесчестность — вот что характеризует работу ЦК союза Рабис. Если к этому добавить безобразное состояние хозяйственно-финансовых дел союза, многочисленные растраты в профсоюзных организациях работников искусств, огромные перекарсы на содержание центрального аппарата союза, возмутительную постановку дела охраны труда на предприятиях, то можно сделать определенный вывод о банкротстве нынешнего руководства центрального комитета профсоюза работников искусств.

знают жизнь театральных коллективов и своих профсоюзных организаций. Борьба с формализмом, натурализмом, элементами триклячества в искусстве проходила мимо внимания руководителей ЦК союза Рабис, которые также проглядели вразом народа, провалившиеся в различные художественные предприятия и занимавшиеся вредительством на фронте искусств. Руководители союза были оторваны от работы своих организаций и национальных республик. Все это служило причиной потери авторитета руководителей ЦК союза Рабис у широких масс работников искусств. Много заслуженных упреков было высказано делегатам съезда и по адресу старого руководства Всесоюзного комитета по делам искусств, которое тормозило развитие искусства в нашей стране.

В частях РККА Азербайджана широко развернулась подготовка к правлению 20-й годовщины Красной армии и Военно-Морского флота. На снимке: бойцы 1-й охотней дивизии — отличники боевой и политической учебы на тактических занятиях. Слева направо — А. Н. Александров, Мурад Муратов и Салим Абдуллаев. (Союзфото)

«Героическая поэма» красноармейца-пограничника

К XX-летию Красной Армии и Военно-Морского флота Государственное издательство Туркмени выпускает десятитысячным тиражом «Героическую поэму» красноармейца-пограничника А. Борова. В основу поэмы положены случаи вооруженного столкновения трех отважных пограничников — орденснца Ивана Трунова, Григория Стещенко и Насима Джакува — с бандой басмачей из 30 человек, пытавшейся перейти советскую границу.

История Красной Армии в агитплакатах

В Доме культуры им. Горького (Ленинград) устраивается интересная выставка. В огромном зале театра и двух залах будут показаны лучшие образцы агитационных плакатов, листовок, отображающих историю Красной Армии. Материалы для выставки предоставлены публичной библиотекой им. Салтыкова-Щедрина, располагающей интереснейшим собранием плакатов за все годы революции.

«За власть Советов»

Скульптор Г. А. Симонов изготовил для выставки «20 лет РККА» большую скульптуру «За власть Советов». На пьедестале, изображающем прибрежный холмик, поросший травой, во весь рост стоит Толмачев. В одной руке у него нагай, другой рукой он поддерживает свалившегося на холмик раненого красноармейца.

Секция писателей, драматургов, поэтов, детских писателей, — где бывшая часть материалов о приеме в члены и кандидаты союза писателей давно подготовлена и ждет утверждения самого президиума, уже который раз откладывающийся разобор этих дел. С 1935 г. ждут разбора своих заявлений критика А. Гуревич, драматург З. Чаяла, с 1936 г. лежат неразобранными заявления критика А. Гуревич, поэта М. Алигер, П. Панченко, писателя Л. Чуковского, поэта И. Гуревича, писателя И. Чуковского, критика А. Роскина, братьев Тур и многие другие. Многих из них писательская общественность прекрасно знает, хотя в их кармане не лежит членская карта союза писателей. Кто же они, эти люди? Л. Я. Гуревич. Пятьдесят лет в литературе. По определению В. Вересаева, вместе с Грифоновым и И. Новиковым рекомендуемого ее в союз писателей, «выдающийся театральный критик, высоко ценимый Станиславским». Л. Гуревич — автор многочисленных переводов, редактор академического издания Толстого, редактор книги Станиславского «Моя жизнь в искусстве».

Декада оборонной музыки

С 12 февраля начинается декада оборонной музыки. Концерты этого цикла посвящены двадцатилетию Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского флота. Первым концертом декады будет вечер творчества композитора Л. Книппера. Он состоится 12 февраля в Большом зале Консерватории.

ФАНТАСТИКА НАШИХ ДНЕЙ

Совещание о приключенческой литературе в ЦК ВЛКСМ

Огромные тиражи ежегодно выпускаемых Детиздатом книги Жюль-Верна, Стівенсона, Киплинга, Дж. Лондона, Дефо доказывают, как нужны советской молодежи научно-фантастические и приключенческие произведения. Однако до последнего времени этот жанр занимал весьма скромное место в советской литературе и встречал пренебрежительное отношение со стороны некоторых издателей. Это естественно отразилось на развитии советского приключенческого жанра, в области которого до сих пор работает лишь небольшая группа писателей.

Между тем юные читатели особенно любят произведения приключенческого жанра, зачитываются, увлекаются ими, жадно расхватывают в библиотеках книги иностранных авторов и те немногие произведения, которыми располагает советская приключенческая и научно-фантастическая литература.

Чрезвычайно большой популярностью среди юных читателей пользуются произведения Алексея Толстого, М. Пришвина, К. Паустовского.

Но можно ли сказать, что уже создана образцовая советская приключенческая или научно-фантастическая повесть? К сожалению, нельзя сказать ни того, ни другого, и от тех советских писателей, кому близок этот жанр, наша молодежь ждет новых многочисленных художественных произведений.

Об этом говорил в своем докладе старший редактор современной литературы Детиздата тов. Никитин на совещании в ЦК ВЛКСМ, посвященном приключенческой повести.

О важности научной подготовки для автора, пишущего фантастическую повесть, говорил в своем выступлении В. Шкловский.

Самая наша действительность полна тем для фантастического романа, если даже не заглядывать в будущее.

— Сюжетов не перечесть, они расписаны повсюду, — говорит М. Пришвин. — Не в выдумке сюжета главная трудность художника, а в том, чтобы выразить его методом социалистического реализма в полихудожественных образах.

Интересно выступил К. Паустовский. Приключенческая повесть должна прежде всего воспитывать юношество в духе и характере, свойственном новому советскому человеку. Вместе с тем в ней должен быть заключен и большой познавательный материал, удовлетворяющий детскую пытливость. Нужно уметь «открыть Америку», отсерегать всякой экзотики. Верно, что в точных фактах науки часто больше фантазии, чем в любой выдумке, но научно-исследовательские труды по своему специфическому изложению совершенно недоступны для юного читателя и служат достоянием лишь ограниченного круга людей. Задача художника — раскрыть поэтическое содержание научных фактов, открытий, прогнозов, всю прелесть научного процесса создания.

— Наша необятная страна — сокровищница тем для приключенческой повести, — говорит Эль-Регистан, — эта повесть у нас помимо занимательного сюжета, должна нести в себе и большой познавательный материал, знакомить детей с географией их родины. В противоположность буржуазной приключенческой повести, построенной в большинстве случаев на личном обогащении или пропаганде расовой розни, советское произведение должно быть носителем высоких идей сталинской дружбы народов, идей борьбы за интересы социалистического общества.

В прениях выступили также тт. Ивантер, Тупица, Платов, Гребнев, Некрасов.

Заведующий отделом печати ЦК ВЛКСМ т. Дименталь заявил, что ЦК комсомола, призывая огромное значение созданию советской приключенческой литературы, готов всесторонне идти навстречу писателям, чтобы помочь им в этой работе.

От имени ЦК ВЛКСМ тов. Дименталь выразил уверенность в том, что к 20-летию Ленинского комсомола, исполняющемуся в октябре, советские писатели придут к новым, еще более талантливым научно-фантастическим и приключенческим произведениям, героями которых будут самоотверженные патриоты, преданные своей родине бесстрашные летчики, советские чемпионы, наши ученые, изобретатели.

Е. ПЕЛЬСОН

Степенное дыхание

ДАВИД ХАЙТ

После прочтения новой вещи С. Колдунова «Ремесло героя» мне показалось, что я долгие годы по пустынною полю. Пустыня была длинная и уютнейшая. Вот, прочитав большую роман, безудержная, сам возбуждает себя. В разговоре с Анной, дочерью старого профессора Воложенцева, он обнажает свой внутренний мир до мельчайших и омерзительных подробностей. Делает он это только потому, что почувствовал в Анне некое родственное сходство. Является ли, однако, эта зыбкая «родственность» основанием для такого неосторожного поступка? Ведь его совершает Моложаев, которого автор пытается представить умным врагом!.. И как же он может существовать в дальнейшем, если о сущности его герои догадываются в самом начале романа?

— Гадину-то в нем я похочу чувствовать! — говорит о Моложаеве Хлынов. И никто из неустрашимой тройки — ни Хлынов, ни Сажин, ни Обольнов — не думает извлечь на солнечный свет негодия, гонящего им гибель.

Ракетоплан поднимается вверх, побеждая непобедимые раньше пространства, достигая предельного потолка, и вот, когда, казалось бы, должна притти окончательная победа над воздухом, в аппарате обнаруживается какая-то неточность, не замеченная на земле. В воздухе происходит авария. Гибнет выросшийся в скафандры инженер Сажин. И лишь здесь, обнаруживая беспорядок в машине, пилот Хлынов вспоминает о Моложаеве и говорит самому себе: «Плодно! Но ведь раньше этот же самый Хлынов «похочу чувствовал гадину!».

В романе ведут себя непонятно не только Моложаев, но и люди, противопоставленные ему. И получает логическая неясная, заставляющая относиться к поступкам героев с недоверчивым предубеждением. В романе есть неплохая сквозная деталь, свидетельствующая о плотности времени действия: роды Нины, жены Хлынова. В первой главе Хлынов отвозит жену в родильный дом, в одной из последних глав Нина рождает мальчика. Основные события происходят в течение этого промежутка. Значит, может возражать автор, невозможно было за несколько дней разгадать и изобличить врага. Но последняя вещь Колдунова обильна отступлениями, широкой перспективой прошлого, в котором действуют Моложаев и другие персонажи.

Жизнь других сделан образ Анны Воложенцевой.

Прочие персонажи малокровны и немощны. Все они до странности невольны и неуловимы. Боюсь показаться сентиментальным, автор выдает в грубость. Высокие чувства и мысли советских инженеров, пилотов, администраторов, профессоров передаются эрически-разухабистыми словами, в которых не поймешь, где начинается грубость и кончается нежность. Особенно выпирает это в сцене встречи Марка с отцом-стариком, прокурором. Встретившись после разлуки, отец и сын, любящие друг друга, не радуются при встрече, а осыпает друг друга бранью.

Неуверенность в обрисовке характеров доводит автора иногда до нелепости. Люди в романе не живут. «Ремесло героя» написано с степенным дыханием. Автору не хватает воздуха. Герои Колдунова живут не на тепловой протопанной земле, а за железными прутьями стилистики.

И поэтому нет радости от этого, третьего по счету, произведения Колдунова, и все же хочется верить, что автор «Р» сумеет снова обрести творческую молодость.

С. Колдунов, «Ремесло героя». Роман. «Красная новь», 1937 г. Книжки девятая и десятая.

В архиве А. М. Горького

Архив А. М. Горького, который до сих пор хранится во Всесоюзной Публичной библиотеке им. В. И. Ленина, сейчас передается в специально оборудованное новое помещение. Он размещен в музее А. М. Горького на улице Воробьевской.

Сейчас здесь собрано уже свыше 62.000 рукописей, писем и документов.

Среди документов, поступивших в последние время, огромный интерес представляют переданные Центральным Архивным Управлением 22 дела, характеризующих преследование А. М. Горького

парской цензурой. Здесь имеются цензурные дела на его произведения «Мальва», «Коновалов», «На плахот», «На дне», «Мещане», «Дети солнца», «Песня о соколе», и др.

Сейчас архив А. М. Горького начал нормальную работу. Все документы размещены в сейфах. В большой комнате, окна которой закрыты металлическими ставнями, сосредоточены все архивные документы и письма к Горькому. Драгоценное рукописное наследие Алексея Максимовича хранится в специально оборудованной комнате-сейфе.

Про маленьких испанцев

ЛЕВ КАСИЛЬ

Книжка об испанских ребятах. Что может быть интереснее! Маленький читатель наш не изобавлен книжками на эту тему. На полке стоит лишь книжечка испанских стихов С. Михалкова, да только что появились в журналах и газетах стихи об Испании А. Барто. Вот и все. Поэтому книжка Елены Кононенко «Маленькие испанцы», впервые рассказывающая о детях сегодняшней Испании для наших детей в более или менее пространной прозе, будет разбираться с прилавков магазинов и библиотечных столов как долгожданная.

На форзаце этой отличной изданной книги — большая двухцветная карта Европы. На ней от Валенсии до Артеки прочерчен путь корабля, привезшего к нам маленьких испанцев. С крымского берега разглядеть Испанию не так легко. Услышать же об Испании здесь теперь можно много. И книга Е. Кононенко представляет собой, собственно, монтаж рассказов, услышанных у испанского кочера в Артеке, или бесед с приехавшими в Крым испанскими детьми. Говоря это, я совсем не хочу как-нибудь опорочить книжку, но просто пытаюсь дать характеристику заключенного в ней материала, его происхождения и конструкции.

Елена Кононенко достаточно известна нашему комсомольскому читателю выдумками и острыми очерками на тему о школе, о пионерработе и воспитании. Однако эти, печатавшиеся в «Комсомольской правде», неизменно вызывают широкий отклик и оживленные дискуссии. Книжка «Маленькие испанцы» — это тоже добротная журналистская работа. Кононенко рассказывает историю нескольких испанских семей из Беле, Альморали, Оливы, Мадрида и других городов Испании. Бомбы и варварство фашизма разрушают скромные жилища, убивают отцов и братьев, безжалостно искореняют и вливают кровью мирную трудовую жизнь этих простых, славных людей. И дети, иногда потерявшие своих родителей, иногда уже знающие о гибели их, дед, мадридские, испанские ребята, едут в СССР на пароходе «Кабо Палос». В море им грозят опасные встречи с фашистскими кораблями. Могучие штормы Средиземного моря обрушиваются на пароход. Но «Кабо Палос» прибывает в СССР. Маленькие испанцы поселяются в Артеке, где море такое же синее, а небо такое же голубое, как в родной Испании, где советские ребята относятся к маленьким заморским гостям, как к своим родным братьям.

Правдиво и умно рассказывает Кононенко об отделе ребят в Валенсии в СССР. Некоторые восторженные посетители Артеки так неуверенно восторгаются болдером и веселым духом маленьких испанцев, что у них вышло, будто испанские ребята и думать забыли про Испанию.

■ ■ ■

В доме на Пироговской улице в Москве живут дети революционного испанского народа. В доме созданы комнаты для занятий и игр ребят. Старшие дети учатся в московской 39-й школе. На снимке: Антонио Альберто нашел в библиотеке интосную книгу. (Совзвост).

СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫК РУССКОГО НАРОДА

В Академии наук СССР

Академия наук СССР работает в настоящее время над выполнением ряда важнейших культурных задач — над составлением истории русской литературы, словарей современного и древнего русского языка, грамматики и др. Все эти работы в сущности являются давно просроченным долгом Академии наук народу и стране.

26 января группа языковедов Академии наук СССР заслушала сообщение акад. А. С. Орлова и сотрудников Института языка и мышления о состоянии работ по составлению словаря современного русского языка. Сообщение это не внушает особенного оптимизма. План завершения выпуска словаря в пятилетний срок — к 1 января 1943 г., по утверждению акад. Орлова, не реалистичен. Многие считают более молодой работников словарной редакции — они обещают выполнить работу в срок. Однако фактические темпы работы редакции далеко не соответствуют плану. По пятилетнему плану, первый том словаря должен быть закончен к 15 июля, а в настоящее время в печати 9 печатных листов. Фактически подготовлено 6 печатных листов, а отредактировано — один.

Не основана еще в достаточной степени словарная редакция основных уставов, данных правительством Академии наук СССР, что словарь должен уложиться в 16 томов и быть одновременно нормативным, историческим и толковым.

Вокруг издания словаря современного русского языка еще не создан полноценный политический и обшккультурный контроль. Более того, ученым совет словаря, выделенный президиумом Академии наук в составе 39 чел., фактически еще не приступил к работе. Да и редакционная коллегия словаря не является еще органом повседневного руководства. Даже литературоведы стоят в стороне от редакции словаря. В его работе не участвует даже научно-исследовательский кабинет русского языка, помещающийся рядом, в том же Институте языка и мышления.

Нужно ли добавлять, что пока совершенно «чуждым рукам» в этом деле писательская общественность. Между тем она занимает далеко не последнее место среди культурных сил страны, ответственных за это дело, за правильное и полноценное его выполнение.

Группа языка приняла постановление, одобряющее общее направление работы новой редакции словаря и проведенную ею работу по очистке карточек и составлению словаря. Призвано необходимым укрепить состав редакции, ученым совет и назначить главного редактора словаря. Редакция словаря предложено привлечь к участию работников литературоведения. После составления словаря и инструкции решено создать широкое совещание по словарю.

На заседании отделения общественных наук в тот же день была рассмотрена схема 10-томной «Истории русской литературы». Схема десятитомника разработана Институтом литературы Академии наук и представляет собой законченный литературный труд.

История русской литературы охватит период с XI века до наших дней. Она начинается литературой Киевского государства и заканчивается литературой эпохи Великой социалистической революции. В последние томы истории предполагается включить хронологические данные о жизни и творчестве отдельных писателей, хронику литературного движения по периодам и избранные библиографии по отделам.

Первые томы истории должны выйти в будущем году. Весь труд будет закончен в 1941 году.

С. И.

Ценная находка

В одном из железных сейфов Государственного музея украинского народного творчества обнаружены письма Льва Толстого к известному художнику. В этом же сейфе оказались 8 неизвестных писем Тараса Шевченко к родным и друзьям.

Среди бумаг — два неопубликованных стихотворения: «Про долю» и «Полякам».

ЭПОС И ХАРАКТЕР

В. ПЕРЦОВ

Победивший народ оглядывается на путь борьбы, на путь славы, который привел его к победе, и в зеркале искусства он хочет видеть отраженную свою историю. Так создается эпос. Не только не исчезает у нас устное народное творчество — сказания и песни, былины и мифы, но, напротив, с необычайной силой возрождаются и расцветают вновь наряду с самыми учеными формами индивидуального художественного творчества. Величественны в рамках истории, в которой современники и немцами одних и тех же героев — партизан и партизанских большевиков — оказываются Дамбул и Алексей Толстой, Сулейман Стальский и Шолохов, скакательница Марфа Крюкова и Маяковский. В былине и в романе, в народной легенде, автор которой растворен коллективом, и в героической поэме, принадеждающей перу известного мастера, живут одни и те же вдохновенные идеалы коммунизма.

Кабинетные теоретики ошибались, утверждая, что роман вытекает из нас народное творчество, скажем, такую его форму, как былина. Но только кабинетные демоны могут думать, что былина должна вытечь из перестройки на свой лад советский роман, умахивая в подобной перестройке едва ли не торжество народности в литературе.

Разницу трактовки образов героя в былине (вообще в народном творчестве) и в романе можно сравнить с разницей между трактовкой человеческого образа в барельефе и в портрете. В барельефе пластические обработаны фигуры, и лица монументально обобщены, приподняты до идеального выражения данного типа, до символа. Особенности портрета, напротив, состоят в том, что через «случайное» личное художник передает душу человека, его психологию, улавливая такие противоречия человеческой личности, которые дают людям верное суждение и о лице и о типе.

Учасу у народного творчества внимание к героическим сторонам действительности, поэтизации подвига, воспеванию образа героического героя, наша художественная проза не может и не должна отказываться от своей основной задачи — от разработки характера героя во всех его противоречиях, не должна подменять портрет барельефом. В новой повести Валентина Катаева «На дне трудового народа» такая подмена имеет место.

и она снижает художественное значение этой прекрасной повести.

«Я, сын трудового народа» — это барельеф, в котором героика смешана с бытом. Семен Федорович Котко — солдат империалистической войны, красный партизан, а потом — боец регулярной рабоче-крестьянской армии, прогнавшей немцев с Украины в 1918 году, ныне директор алюминиевого комбината в Запорожье, его сестра Фрося — голодная девочка, героически помогавшая партизанам в народной войне, а ныне колхозница, заправляющая заводскими работницами Советской России. Вот былинно-эпические черты повести В. Катаева, пленяющие своим спокойствием, деловитостью героизма, умором, не оставляющим их в самых трудных положениях. Повесть дает удивительно яркую японскую нравов, остроумно подмечает детали среды и профессии, напоминающая этим «физиологические очерки» 40-х годов. Однако героика здесь быт в своей сумме не составляет характера, не дает того, что мы назвали выше портретом.

Это становится в особенности ясным, если сравнить детский образ в новой повести Фроси с образом Гаврилы из «Беллет парус олинков». В образе Фроси есть остроумно схваченные бытовые моменты (например, великодушная смена, в которой Фрося оказывается янатоком оружия) и героико-романтические моменты (например, Фрося удирает верхом от гайдамаков, чтобы предупредить партизан), но ни в одной сцене Фрося не выступает как лицо с той определенностью, которая создает образ Гаврилы. Когда герой первой детской повести Валентина Катаева, несмотря на испытываемую им страшную боль, предупреждает криком революционеров о грозящей им опасности, то в этой сцене так изображена его психология рыцарской и мальчишеской героики, так показаны слезы нежности к жандармам, что Гаврила ощущается прежде всего как личность и характер и вследствие этого его героизму вершится неслучливо.

По силе сказанного ясно, что образ Гаврилы выше с художественной стороны, чем образ Фроси. И вообще трактовка персонажей в новой повести Валентина Катаева, несмотря на всю роскошь изображения карьеры героя, уступает образам «Паруса», «Семей Котко» и «История как собирательный

герой народной песни, его речь полна красоты легенды, но это, конечно, не собственные слова конкретного лица:

«Была у меня какая ни есть хата, и хозяйство, и земля, моими руками попанята и потом моим попанята. А теперь, выхлудит дело, налетели на нас окула на воляжины, тень злыдни, стали поперек крестьянской жизни и выжидают меня от моего счастья и чортовой матери, куда глаза смотрят, в ту темную ночь кочевать по степи, все равно, как бродягу выгнана или того серба с обезьяной. И должен я, не дожидаясь солнца, тикать из села, все на свете покинув — и мать родную, и сестричку-сиротку, и землю поселянскую, и дивичью заруничную, и сватов своих, без погребенья повешенных на добычу воромам».

Семен Котко, подобно Котовскому из «Думы про Олпанаса»:

«...должну озирает Командирским взглядом, Дербес под ним сверкает Белым рафинадом».

Но кроме барельефной героики в образе Семени Котко есть еще и быт: «Семен веселым командирским взглядом окинул свой двор, и заметил посредине двора смирнувшуюся кучу народа, которому здесь было не место, влезая за вышки».

Куртина очень яркая, но в ней Семен является не столько личностью, сколько частью среды. Могут сказать, что такая особенность художественной манеры Валентина Катаева и, стало быть, наши претензии к нему несомнительны. Но это не верно. Нельзя художественный недостаток выдавать за особенность художественной манеры, и нельзя считать полноценным такое изображение персонажа, которое не дает оцнить его как характер.

Алексей Толстой в очень небольшой по объему повести вымудил безмерно много картин и сцен, давая описания и вместо разработки характеров изображая поступки и происшествия. В «Хлебе» изображение исторического события нередко поглощает, заслоняет собой изображение героя.

Повесть носит двойное название, указывающее на соединение в ней двух основных задач молодого советского государства в начале 1918 г., и темой обороны Парижа, который стал в центре удара, наносимого белыми с юга, открывая для контрреволюции перспективу создания египетского фронта от Дона до Чехословакия и от Чортовой матери, куда глаза смотрят, в ту темную ночь кочевать по степи, все равно, как бродягу выгнана или того серба с обезьяной. И должен я, не дожидаясь солнца, тикать из села, все на свете покинув — и мать родную, и сестричку-сиротку, и землю поселянскую, и дивичью заруничную, и сватов своих, без погребенья повешенных на добычу воромам».

Огромный исторический материал организован в повести рудком мастера, художник меньшего масштаба просто растерялся, а перед многообразием жизни, которое требовалось вместить в произведение. Однако громадный разворот событий, охвативших в повести, пошелал художнику сосредоточиться на интенсификации разработке характеров. Множество исторических лиц только названы, а не показаны. И композиционно задача соединения двух тем, поставленная совершенно правильно, оказалась неразрешенной. Повесть начинается изображением подготовки к заключению Эрестского мира и заканчивается моментом начала обороны Парижа, причем создается впечатление острейшей и все-таки бездной экзистенции, очень замысловатой подготовки к действию, очень драматично и явно недостаточно развернутой картины действия, т. е. обороны Парижа.

Значительной художественной удачей «Хлеба» являются портреты вождей пролетарской революции. Здесь А. Толстой выступает как замечательный портретист, удающийся не одно только внешнее сходство, но и выступающий со своим толкованием образа, которое раскрывает его обшкное историческое содержание. Таких мест немало в «Хлебе», и в их числе относится прежде всего то, как изображены в повести отношения между Владимиром Ильичом и литейским металлистом Иваном Горой. В одном эпизоде Иван Гора стоит на часах у входа в кабинет Ленина в Смольном. В ответ на просьбу Владимира Ильича поправить телефон Иван Гора говорит:

«Сейчас поправим. Ничего невозможного».

Владимир Ильич углублен в свои мысли, но формулировка ответа доходит до его сознания, может быть, потому, что совуична его собственным мыслям о трудностях, переживаемых революцией. Когда через несколько месяцев Иван Гора вместе с деле-

гатами петроградских заводов пошел на прием к Владимиру Ильичу для обсуждения катастрофического продовольственного положения, Ленин сказал, взглянув на Ивана:

«— На свете не бывает ничего невозможного».

Иван ахнул: «Поминт».

Такое же значение имеют некоторые сцены, изображающие товарища Сталина, например, сцена в вагоне в день его приезда в Париж и в особенности сцена, в которой Сталин наблюдает полет корнуна: «Сталин следил, как один из корнунов — совсем близко от них, так что слышал был свист его твердо раскнутых крыльев — пронесся к земле и почти задел суслика, стоям торчавшего у своей норы на невысоком кургане — древней могиле какому-нибудь гуна-наездника. Суслик успел, вылинув кисточку хвоста, нырнуть под землю, коршун вышло, будто ему совсем и не хотелось мяса, вымыл по горячему току воздуха».

Сталин рассмеялся, похлопывая себя по щеке по голенищу.

«— Когда-нибудь научимся строить такие самолеты, — сказал он. — Совершенный полет, совершенное владение силами. А люди могут летать лучше, если освободит их силы... Мы будем летать лучше...».

И эта деталь — психологическая, дающая яркую, верную образ зарождения мысли героя, образ ученого-революционера, для которого война «случайность» действительности служит толчком для «загадки» в будущее, для смелого опережения действительности.

Среди персонажей новой повести А. Толстого, созданных нешиком воображением художника, полнее других развернут образ Агриппины. Это превосходный эпический образ новой русской женщины из народа, в котором героика нашей истории раскрыта через конкретную человеческую личность. Агриппина Чебрец — могучая девушка-качалка, которую сильное чувство индивидуальной любви приводит в ряды революционеров. Очарование этого образа — в его конкретной жизненности, в том убедительном взаимодействии исторического события и индивидуального характера, которое позволяет увидеть в личном героизме и творчестве истории и конкретную человеческую психологию. Агриппина в повести А. Толстого живет, любит, ненавидит, волнуется за судьбу близкого человека, гордится им, отстает дань традициям и предрассудкам среды, из которой она вышла, и — растет, растет на глазах у читателя. Это многогранная, этот характер обогащается, жизнь учит, изменяет Агриппину, — вот наиболее ценное в трактовке образа простой и глубокой героини «Хлеба», одной из тех героических

женщин, которые впоследствии стали вобранными народом, будучи выдвинуты в депутаты советского парламента. Агриппина — это личность, в которой чувствуются громадные резервы: нравственная сила, богатство чувств, жажда стать равные с лучшими людьми, борющимися за счастье народа. Удивительно верно и трогательно сцена, в которой Агриппина, вступившая уже в ряды Красной Армии, обращается с просьбой к девушке-политпросветителке научить ее грамоте:

«Я могу учиться свое потерять... Горячие мои пальцы двух недель не научусь, время будет... Надо пожать, надо уметь горькое детей. Им надо расти, надо учиться, а я неграмотная... Кроме них — один человек, он партиейный! Ленина хорошо знает, Ворошилова знает... И я вижу — ему моя темнота скоро станет препятствием».

В образе Агриппины угадывается много сотни и тысячи женщин, тех кухарок, которые, по слову Ленина, научились управлять государством, но во всем этом множестве Агриппину не смеяешь ни с кем.

Социалистический коллектив формирует личность, проуживает, вызывает наружу заложенные в ней возможности, но как ни велико это влияние, оно конечно не исчерпывает многообразия проявлений конкретного лица. В героях нового эпоса, нового исторического романа мы хотели бы видеть прежде всего простые, человеческие черты, ясные и определенные характеры, бесконечно разнообразие, как в жизни, с общей для всех целестремленностью, но со своим индивидуальным строем чувств, мыслей и переживаниями у каждого в отдельности. Да ведь иначе и быть не может, если мы имеем дело с образом героя в романе или повести — жанра, отразивших развитие человеческой личности. Во. Вишневский мечтал об изображении в искусстве «взаимоощущения коллектива, массы»; в этом изображении личности отводилась роль символа, улового знака.

«Я вижу очертания спешария, — писал он, — о рождении, младенчестве, юности, зрелости, старости и смерти наций, классов, стран, городов...».

От этого наивного космозизма он отходил в дальнейшем развитии своего творчества, и рост его как художника шел по линии все большей конкретизации образа героя. Отпала этого роста были, как известно, «Эпическая трагедия» и «Мы из Крещатка». В своем новом «романе-фильме»

Окончание см. 4 стр.

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

«Загадка Н. Ф. И.»

В отцах Лермонтова давно содержалась загадка, не раскрытая ни одним из исследователей... «Загадка Н. Ф. И.» Женщины, обозначенной этими буквами, Лермонтов посвятил несколько прекрасных своих стихотворений.

Ираклий Андроников предпринял попытку разгадать имя женщины, которую Лермонтов любил страстно. Путем остроумных догадок он пришел к заключению, что Н. Ф. И. — это Наталия Федоровна Иванова.

ДОМ НА ЗУБОВСКОМ

...Я поступал. Дверь отворилась, и я увидел на пороге высокую, седую женщину. Наталия Сергеевна Маклакова! Я промолчал ее имя. — Вы ко мне? Что вам угодно? — Я занимаюсь Лермонтовым и хотел выяснить... Я вдруг услышал ее ответ: — Ах, вот тот! Так я вероятно, не смогу вам ничем быть полезной. Ведь все стихи Лермонтова, которые он посвящал бабушке...

СУНДУК С КАЗАНСКОЙ ДОРОГИ

И она стала рассказывать: Я неоднократно слышала от моей матери, Наталии Николаевны, что Михаил Юрьевич Лермонтов был влюблен в мою бабушку — Наталию Федоровну Обрескову, уроженную Иванову. В нашей семье известно, что у Наталии Федоровны хранилась шкатулка с письмами Лермонтова и со стихами, ей посвященными. Но все было сожжено из ревности ее мужем Николаем Михайловичем Обресковым. Из рассказов матери знаю, что Лермонтов после замужества Наталии Федоровны продолжал бывать в ее доме, и это послужило причиной гибели шкатулки. Слышала также, что драма Лермонтова «Странный человек» относится к его знакомству с Н. Ф. Ивановой. Почему ее имя никогда не было раскрыто в стихотворениях Лермонтова и почему в биографии Лермонтова нет никаких упоминаний об Ивановой, не знаю. У нас в семье всегда говорили о том, что Лермонтов был влюблен в бабушку, но я не могу сказать, отвечала ли она ему взаимностью.

У Наталии Федоровны была сестра Дарья Федоровна, которая вышла замуж за Бориса Дмитриевича Острожского. Она почти всю жизнь прожила в Курске. Там служил ее муж, там жили и ее дочери. Биографию своего деда, Николая Михайловича Обрескова, я совсем не знаю. Знаю только, что поместье его было в Новгородской губернии, где в старости он, кажется, был предводителем дворянства. Обресковы жили много за границей. Мать моя, Наталия Николаевна, воспитывалась в Женеве. Все ее подруги носили «Странный человек»! И поэты! Все, о чем я догадывалась.

Я попросил Маклакову записать то, что она мне рассказала, и огляделся. Мы сидели в небольшой, самой обыкновенной московской комнате, которая ничем не отличалась от всех других московских комнат, если бы не старые акварельные портреты, вешенные на стенах. Девушки в голубых и розовых платьях, с высокими прическами, какие-то военные в усах и в полотах. — А нет ли среди них портрета Наталии Федоровны? Маклакова взглянула на портреты: — Нет, здесь нет ни Наталии Федоровны, ни Николая Михайловича Обрескова. Здесь мои родня со стороны отца. Вот бабушка Голицына. Вот это ее сестра. А это вот не помню кто. Кажется, кто-то из Голицыных. Это — Леон Голицын. — Он был знаком с Лермонтовым, — заметил я. — Возможно, он долго жил на Кавказе!

Я был в комнате, где в чинном порядке висели на стенах портреты давно уже умерших людей.

Может быть, не один Голицын, а все эти чинные и титулованные аристократы знали Лермонтова? Да, они знали, что Михайлович Лермонтов, внук старухи Арсеньевой,

Последующие поиски привели его к ныне живущим потомкам Н. Ф. Ивановой. И здесь ему повезло: удалось сделать поистине замечательную находку: в одном старом альбоме он открыл три доселе неизвестных стихотворения Лермонтова. Обо всем этом И. Андроников рассказал в своей повести. Она будет напечатана в ближайшем номере журнала «Пионер». Здесь мы помещаем из нее отрывок.

УКРАШЕНИЕ СТАРОГО АЛЬБОМА

Я продолжал ходить к Маклаковой, как на службу. Я надею ей, кажется, изрядно, но она-то мне не надеется. Я расспрашивал ее обо всех ее родственниках до такого дальнего колена, что Маклакова только руками разводила. — Я никогда не любила так своих дальних родственников, как их любите вы, — говорила она. Я писал Маклакову ко всем ее московской волне, надеюсь, что она узнает от своих родственников то-нибудь такое, чего они мне никогда не скажут.

УКРАШЕНИЕ СТАРОГО АЛЬБОМА

Вечерами, перед сном, я прибавлял новые кружочки к родословному древу Ивановых-Обресковых, которое так разрослось, что пришлось ползти к нему на газету и рассматривать стопа на коленах перед постелью. Наконец наступил такой вечер, когда я поступался в дверь некоего Фокина, в квартире которого жила внучка дальнего родственника отчима Наталии Федоровны Ивановой.

УКРАШЕНИЕ СТАРОГО АЛЬБОМА

Вот до чего я достигаю! Фокин встретил меня очень любезно и, ширяя и непрестанно извиваясь, почти ласково доказывая мне, что его соседка находится в том почтенном возрасте, когда вряд ли можно вспомнить хотя бы одну из своих бабушек. А вы вообще интересуетесь прошлым? — спросил он.

УКРАШЕНИЕ СТАРОГО АЛЬБОМА

Я ответил, что, конечно, интересуетесь. — У моей супруги Марии Марковны, — сказал Фокин, — была тетя Анна Егоровна, супруга которой Николай Александрович был сыном супруги курского губернатора Марии Дмитриевны Жеринской, чей альбом, по праву родства, принадлежит сейчас нам. Несмотря на мою скромность в этих делах, я ничего не боялся и оторопел. Я запомнил единственно, что альбом Фокиных принадлежал когда-то курской губернской семье. А в Курске жила семья Обресковых и Дарьи Федоровны Ивановой.

УКРАШЕНИЕ СТАРОГО АЛЬБОМА

Понтересуйтесь, взгляните, — предложила Фокин, — в альбоме этом есть собственноручная запись поэта Алухтина. Алухтин? К чему мне был Алухтин. Я перелистывал альбом. За авторством Алухтина идут известные стихи, вписанные чьей-то старательной рукой, наверно, владелицей альбома. Вот стихи Мен, Майкова, вот Фогт, — вот стихотворение мужа — губернатора Жеринского. — Не трудитесь смотреть дальше, — сказал Фокин. — Дальше нет ничего интересного. Там есть даже лермонтовские стихи, но они написаны не его рукой и ничего особенного не представляют. Вот только этот автор Алухтин и составляет украшение альбома. Но если вы не интересуетесь Алухтиным...

УКРАШЕНИЕ СТАРОГО АЛЬБОМА

Я не слушал его. Перевернув страницу я увидел: Н. Ф. Ивановой, Что может краткое свидание Мне в утешенье принести. Час неизбежный наставил, Настаи, и я сказал: прощай! У меня даже в горле пересохло от волнения. Это были неизвестные стихи Лермонтова к Н. Ф. Ивановой, где имя ее было написано полностью. В этом альбоме оказалось три новых стихотворения Лермонтова.

УКРАШЕНИЕ СТАРОГО АЛЬБОМА

Вскоре Н. П. Чулков сообщил мне, что Литературный музей купил этот альбом. Теперь эти стихи будут опубликованы в «Летописях Литературного музея».

УКРАШЕНИЕ СТАРОГО АЛЬБОМА

«Солдаты пошли дальше. Они обострились. Девушка глядела им в след. Ореда улыбалась светло и ясно...» Так выглядит Ореда после того, как он полария девушкам колечко, которое случайно оказалось у него в кармане. Колечко, действительно, могло оказаться у героя случайно, и было бы прилично пробыть в его руках мотивировки, но вот хуже то, что эта деталь совершенно случайно была образа героя и не конкретизирует образ Ореда ни с бытовой, ни с психологической стороны. Да и где уж заниматься подобными пустяками автору, который стремится выразить в романе индивидуальную судьбу человека, индивидуальную судьбу которого показались им достойной внимания. И что же? — индивидуальная судьба этого человека оказалась совершенно новым ключом к «тайнам истории», потому что в этой судьбе, в этом изумительном характере, выделенном средствами искусства, выразилась великая героика нашей истории. Вот почему «Чапаев» сохраняет свое значение нормы советского искусства и пока еще непревзойденного образца.

УКРАШЕНИЕ СТАРОГО АЛЬБОМА

А Яков Ореда из «романа-фильма» Всеволода Вишневского — не человек, не характер, а отвлеченный тезис, декларационный выкрик или барельеф в отрицательном значении этого слова, когда приемы, законные в одном жанре, будучи перенесены в другой, разрушают образ. Яков Ореда от первого своего появления через читателя и на протяжении всех пережитых романом-фильмом оказывается совершенно одинаковым, готовым, все понимающим и все заранее предвидящим деятелем, который поучает всех, а сам не учится ничему. Где это видано, чтобы большевик-руководитель не нуждался в учебе, не вырастал на работе, чтобы действительность не поправляла и не формировала его? В наиболее замечательной сцене пьесы Н. Погодина «Человек из ружья» — там, где Ленин впервые сталкивается с солдатом Иваном Шадриным, поразило так скучно художником то, что, разговаривая с солдатом, Ленин ставит его на одну доску с собой и не только не смотрит на него сверху вниз, а внутренне ощущает его как равного.

УКРАШЕНИЕ СТАРОГО АЛЬБОМА

Что же сказать о герое романа Вишневского, который (т. е. герой) все знает наперед, ни в чем не ошибается и ничему не учится? Только то, что такими живые люди не бывают, а получаются такими литературными персонажами, порожденные авторами, стремящимися проникнуть в «тайны истории» и в то же время «минимизировать» рамки изображения индивидуальной судьбы. Яков Ореда — не живой, а мраморный или алебастровый.

«Папка была чуть сдвинута на правую бровь, и лицо его, как ветный лик русского пехотинца, было просто». В том-то и беда, что Яков Ореда не лицо, а лик.

Ю. ТЫНЯНОВ

«Прокофий Ляпунов»

Неизвестная трагедия Кюхельбекера

1.

18 июля 1834 г., сидя в Свеаборгской крепости, Кюхельбекер записал в своем дневнике: «Получил письмо от Борнея» и в поларок от Пушкина Сказание Современник о самозванце, Записки Курбского и Описание Малороссии Монблана.

Связь Пушкина с заключенным, а затем и ссыльным другом не прерывалась: он присылал ему свои сочинения, книги для занятий, был его издателем, передавал через родных литературных гонимых, и неоднократно просил самого узника, обращаясь к Пушкину, — не писать, чтобы удержать его от писем в крепость (в Сибирь Пушкин ему позднее писал).

Кроме присланных Пушкиным книг, у Кюхельбекера были последние тома «Истории Государства Российского» Карамзина, сочинения Шиллера и Шекспира.

21 июля Кюхельбекер садится за чтение «Сказания современников» о самозванце (записок Маржерета), а 1 августа отмечает: «По утрам прочел незаконченного Шиллера «Самозванца» и начал из него выписки. Так рождается замысел «Дмитрия Самозванца». Еще 3 августа творческое настроение не катится: «После обеда нашла на меня неодолимая тоска... О, если бы творческая мысль! Вдохновение! Я бы все написал». А 4 августа уже записано: «Восхотел написать, что я сегодня начал трагедию: «Дмитрий Самозванец», ход у меня будет почти тот же, что у Шиллера, — иные сцены даже просто переводу; зато характер главного лица предполагаю представить в совершенно ином виде. Итак, задумано продолжение пьесы Шиллера.

6 августа Кюхельбекер отмечает, что значущую роль в его трагедии будет играть Леонид. 8 августа он записывает, что трагедия назовется «Григорий Отрепьевым», а не «Дмитрий Самозванцем». «Леонид — это монах, которого Самозванец по волеярничеству выдал за «подлинного» Григория Отрепьева. Мысль трагедии усложняется, а 9 августа Кюхельбекер бросает начатую трагедию. 10 августа он записывает: «Пришлось за перевод «Венецианского купца». Итак мой Григорий Отрепьев или Дмитрий Самозванец опять останется одним благим намерением».

Занятия переводами Шекспира не надолго его отвлекли. Через пять дней, 15 августа, он снова начинает заниматься Карамзиным. «История Государства Российского» производит на него глубокое художественное впечатление. 28 сентября он записывает: «...Осада Троицкой Лавры из лучших отрывков у Карамзина... Бродит в голове Ляпуновым». И, наконец, 10 октября: «Сегодня написал я первую сцену своего Ляпунова». На этот раз герой был найден верно, работа закипела, и 21 ноября Кюхельбекер заносит в свой дневник: «Напостелел я концы сегодня своего Ляпунова: пять актов я написал в 52 дня, и то с перерывами; иногда по два дня ничего не прибавлял».

Более ста лет прошло со времени написания Кюхельбекером трагедии «Прокофий Ляпунов». Сейчас она впервые печатается.

2.

Трагедия о широком народном движении, написанная пятистопным ямбом, была для Кюхельбекера знакомым жанром. В 1822/23 году он написал большую трагедию «Армяне». Пятистопный ямб в драме применил он один из первых, — и на него ссылался Пушкин в проекте предисловия к «Борису Годунову»: «Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами. У нас первый пример оному находим мы, кажется, в «Армянах»».

И все же создание «Прокофия Ляпунова» было для Кюхельбекера совершенно новой попыткой. На нем отразилось представление Кюхельбекера, как ученика Грибоедова, о народности, мысли декабриста, пережившего разрыв освободительного движения, в котором принимал участие, но не утратившего веру, мысли о русском народном движении XVIII века и вождях его.

В 1820 году, путешествуя по Западу, он пишет сестрам: «Вы не можете себе представить, с каким наслаждением я здесь, в немецкой стороне, пишу эти русские строки. Каждая буква напоминает мне мое отечество, напоминает мне вас, говорит мне: оне откликнулись бы тебе на твой ласковый родным, твоим любимым языком». Тогда же он встретил своего ученика Мельгунова: «...Мы разговаривали только и единственно о России и не можем наговориться о ней... сердечное убеждение, что русский бог не воцарил дарованное избранному народу его чудные способности, его язык богатейший и сладолюбивей между всеми Европейскими, что небо предопределило Россиянам быть великим, благородным явлением в нравственном мире: вот что придает жизни и теплоту нашим беседам, заставляющим меня иногда совершенно забываться, что я не в отечестве».

Борис — племянник Кюхельбекера, Борис Григорьевич Глинка, бывший одним из посредников между заключенным декабристом и его другом.

3.

«История Государства Российского» Карамзина была главным источником трагедии — к ней восходит изображение характеров главных действующих лиц и общая связь событий: борьба Ляпунова как поэта и защитника и спасения отечества с декабристскими именованными силами, как Борн Заручин, Проводецкий, борьба, приведшая его к гибели.

Но Кюхельбекер относится к «Истории» Карамзина, с точки зрения ученика Грибоедова и декабриста, критически. Прокофий Ляпунов является в трагедии защитником и проводником не только национальной идеи, но и идеи демократической.

В трагедии подчеркнут демократический характер движения Ляпунова, и на одно из первых мест вынесен вопрос о «земледельцах» — крестьянах.

Таково уж самое начало трагедии — чтение уставной грамоты земской Думы (в трагедии «Земский устав»). Читается только восьмая статья, строго карающая за насилие, ложившиеся главным бременем «на селения».

Таков смысл «Земского устава» в разговоре голдов: «...Вот что Прокофий говорит: Моей пускной обидой! не взыщу. Обидеть же присягу — берегись, Да беречься обидеть земледельцев, Несчастных, разоренных: я за них Жестокий, непреклонный, грозный мститель».

Ляпунов крут и горд со всеми, но не с людьми простыми, не с земледельцами. Ляпунов неоднократно подчеркивает в трагедии, что он простой «дворянский дворянин» (в отличие от князя Трубецкого) и бывший соратник Болотникова, а Трубецкой провозинист (в 3-й сцене 2-го действия) аполония Болотникова. Он отвечает на замечание о том, что Болотников — «подлый холоп»:

Болотников был воин знаменитый, Ионенко Телятского холоп, Да Телятский, Шаховский и я Его товарищем признали.

Эта окраска очень разнится от окраски, приписываемой вождю крестьянского движения Карамзиным.

Но облик Ляпунова отчетливо складывается из рассеянных по трагедии отрывков о Болотникове, Скопине-Шуйском и Пожарском.

Во второстепенных лицах, окружающих Ляпунова (Ржевский, Из Салтыков), драматически проведена идея: личные интересы отступают перед долгом патриота.

Таков в особенности Ржевский, брат Ольги. — любивший Ляпунова, желающий ему мстить за бесчестие сестры. Проводецкий и поляк Хаминский хотят его использовать для гибели Ляпунова, но Ржевский отказывается от мести.

Проводецкий о нем рассказывает: Жертвовав России И всем обязан — вот что он поет, — И самой тяжкою обидой личной.

Итак, Ляпунов — это человек, который не только не смотрит на него сверху вниз, а внутренне ощущает его как равного.

Сидя в крепости и думая о смерти, он пишет стихи о том, как встретит в раю всех своих любимых поэтов: «Тасса, Гомера, Аристо, Данте, Байрона, Расина и Эсхила (богметим, что среди них и «воспетый Каяла, славянин» — автор «Слова о полку Игореве»).

И о певцах земли моей родной, О вас, певцы отчизны незабвенной, Услышу их приветливый вопрос, И там и между ними буду Росс! О Грибоедов скажу Мольеру И Байрону о Пушкине скажу...»

Еще в 1824 году в своей статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (Минералы, 1824 год, ч. II) Кюхельбекер, выступая против «мещин», в которой стихотворец говорит об самом себе, об своих скорбях и выстраданности, который не оспаривает и не лжует, и против мещинских лирических жанров, писал о Жуковском: «Будем благодарны Жуковскому, что он освободил нас из-под ита французской свободы и от угарования нами по законам Ла Гарнона Шинца и Батинева Курса, но не позволим ли ему, ни кому другому, если бы он владел востеро большим перед нами дарованием, наложить на нас оковы немецкого или Английского владычества. Всего лучше иметь Поэзию народную... При основательнейших познаниях и большом желании теперь трудолюбивых наших писателей Россия по своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии».

Эти мысли, сложившиеся под влиянием Грибоедова, были для Кюхельбекера основными.

Стремление к народности было вместе с тем стремлением к реализму, основанному на изучении и наблюдениях: самое понятие народности у декабриста, ученика Грибоедова, демократично; дело идет об изучении «местных и общих преданий, сказок», о «чертах народного характера». Условно лишает Кюхельбекера возможность этих изучений. В результате компромисса он избирает образом в драматическом изображении «страстей, слабостей души человеческой» Шекспира.

3.

«История Государства Российского» Карамзина была главным источником трагедии — к ней восходит изображение характеров главных действующих лиц и общая связь событий: борьба Ляпунова как поэта и защитника и спасения отечества с декабристскими именованными силами, как Борн Заручин, Проводецкий, борьба, приведшая его к гибели.

Но Кюхельбекер относится к «Истории» Карамзина, с точки зрения ученика Грибоедова и декабриста, критически. Прокофий Ляпунов является в трагедии защитником и проводником не только национальной идеи, но и идеи демократической.

В трагедии подчеркнут демократический характер движения Ляпунова, и на одно из первых мест вынесен вопрос о «земледельцах» — крестьянах.

Таково уж самое начало трагедии — чтение уставной грамоты земской Думы (в трагедии «Земский устав»). Читается только восьмая статья, строго карающая за насилие, ложившиеся главным бременем «на селения».

Таков смысл «Земского устава» в разговоре голдов: «...Вот что Прокофий говорит: Моей пускной обидой! не взыщу. Обидеть же присягу — берегись, Да беречься обидеть земледельцев, Несчастных, разоренных: я за них Жестокий, непреклонный, грозный мститель».

Ляпунов крут и горд со всеми, но не с людьми простыми, не с земледельцами. Ляпунов неоднократно подчеркивает в трагедии, что он простой «дворянский дворянин» (в отличие от князя Трубецкого) и бывший соратник Болотникова, а Трубецкой провозинист (в 3-й сцене 2-го действия) аполония Болотникова. Он отвечает на замечание о том, что Болотников — «подлый холоп»:

Болотников был воин знаменитый, Ионенко Телятского холоп, Да Телятский, Шаховский и я Его товарищем признали.

Эта окраска очень разнится от окраски, приписываемой вождю крестьянского движения Карамзиным.

Но облик Ляпунова отчетливо складывается из рассеянных по трагедии отрывков о Болотникове, Скопине-Шуйском и Пожарском.

Во второстепенных лицах, окружающих Ляпунова (Ржевский, Из Салтыков), драматически проведена идея: личные интересы отступают перед долгом патриота.

Таков в особенности Ржевский, брат Ольги. — любивший Ляпунова, желающий ему мстить за бесчестие сестры. Проводецкий и поляк Хаминский хотят его использовать для гибели Ляпунова, но Ржевский отказывается от мести.

Проводецкий о нем рассказывает: Жертвовав России И всем обязан — вот что он поет, — И самой тяжкою обидой личной.

4.

На трагедии своеобразно отразилась борьба между поэтикой Шекспира и Шиллера, которая шла в русской драматургии 20-х годов и одним из самых горячих участников которой был Кюхельбекер.

Несомненно, на массовых сценах «Прокофия Ляпунова», на второстепенных лицах трагедии отразилось долгое и выразительное изучение Шекспира. Это — самые сильные страницы трагедии, не утратившие своего художественного значения и теперь.

Брат Ляпунова (Заручин, Проводецкий) — предельно-атаман и их приспешники, непосредственные участники убийства Ляпунова, — все они фигуры убедительные, живые и одержимые страстями (недаром Кюхельбекер пишет об одном из них, Заваринне, что он «вроде Яго») — в противоположность высоким общественным страстям соратников Ляпунова, как Ржевский, Из Салтыков. С большим светлым мастерством проведена в трагедии главная интрига — подкупленный провинциальный грамотей и лжеисторик изобрел заказ, составленный врагами Ляпунова якобы от его имени и послуживший для соблазна Ляпунова, явившийся для разоблачения в казачий круг.

И Шекспир и Шиллер были у Кюхельбекера в руках во время написания трагедии. Как мы видели, Кюхельбекер при предшествующем замысле «Григория Отрепьева» прямо отправляется от «Деметриуса». В итоге — колебания и, наконец, прямое влияние поэтики Шиллера, а также замещения в «Деметриусе».

В результате этих колебаний — ряд ошибок и недостатков. Главной ошибкой трагедии является ложная обрисовка Гонсевского как «благородного врага». Кюхельбекер здесь предстала возможность чисто театрального изображения «рыцарства», сцена, в которой Гонсевский предпринимает Ляпунова об опасности (впрочем, рассчитывая его таким образом удушить), не только вносит элемент театрального эффекта, совершенно чуждый трагедии в целом, но и противоречит истории. Карамзин повествует, что не кто другой, как Гонсевский, был главным инициатором провокации, повлекшей за собой гибель Ляпунова. Записки Максимилиана, также бывшие в руках Кюхельбекера, достаточно откровенными чертами рассказывают об этом «рыцарском поступке» вождя польских захватчиков.

И, однако, несмотря на эти недостатки, трагедия Кюхельбекера воспринимается как произведение патристического и литературного значительности.

5.

«Борис Годунов» Пушкина открыл в русской литературе стиховую национальную историческую драматургию. Вскоре последовали стиховые драмы Погодина, Хомякова и других. Пушкин относился благожелательно к развитию отечественной драматургии, но в высшей степени сочувственно отзывался о «Марфе Посаднице» Погодина, о «Ермаке» и «Дмитрии Самозванце» Хомякова.

У Пушкина с Кюхельбекером были литературные споры, начавшиеся еще в лицее, споры дружеские и строгие, нерасклеванные полемикой. Однако эти споры только как «насмешкам» (как это делается даже в некоторых справочных изданиях) вовсе не приходится. Споры были дружеские, глубокие и во многом плодотворные. Пушкин не только относился критически к произведениям своего заключенного друга, он их извывал и печатал.

В 1831 году он пишет общему директору товарищу М. Л. Яковлеву (после смерти Дельвига): «У Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же Ижорский, также и моя баллада о Гяшаре, влюбленном в Деву... Плетнев и я, мы бы поставились что-нибудь из этого сделать». «Ижорского» Пушкин лично издал в 1826 году. Кюхельбекер хлопотал, чтобы «Прокофий Ляпунов» попал в руки Пушкина.

Если бы это случилось, нет сомнения, что Пушкин постарался бы издать трагедию друга. Вряд ли, впрочем, на сей раз удалось бы ему получить разрешение на издание, и уж во всяком случае трагедия не была бы пропущена цензурой.

Рылев, как поэт, выражает поэзию декабристов до декабря 1825 г. Кюхельбекер характеризует ее после декабря. Он — представитель рабочего, но не упитанного движения, и таким себя сознавал. Сидя в крепости, он верил, что его прочтут. 15 декабря 1832 г. он написал в одном стихотворении:

Не весь истлею я: с очей потмоства Спадет покров мгновенной слепоты — И стихнет гул вражды и вероломства, Умолют злобу черной клеветы, Забудут заблужденя человека, Но воспомянут чистый глас певца, И отзовется на него сердца И дев и юношей много вена. Ленинград.

В. ПЕРЦОВ

Эпос и характер

Начало см. 3 стр.

«Мы, русский народ» Вишневский, к созданию, выступает не как реалист, а как космоист. Это относится прежде всего к трактовке в «романе» центральной фигуры Якова Ореда — революционного солдата-большевика. В том же номере журнала «Знамя», где опубликовано произведение Вишневского, напечатана критическая статья Н. Жданова, которая характеризует «Мы, русский народ» следующим образом: «...Вишневский минует здесь узкие рамки изображения индивидуальной судьбы. Его почти не занимают противоречия узкого плана. Он хочет слышать поступок человеческих коллективов, проникнуть в «тайны истории» и ее взаимоотношений с людьми».

Сказано роскошно, но мысль вредная, какими бы самыми лучшими намерениями ни был воодушевлен критик. В самом деле, кому это нужно, чтобы слабые стороны писателя выдвигались за его силу, за какую-то исключительную особенность его необыкновенной художественной манеры. Да ведь никто теперь этому и не поверит: многие теоретические наваждения, в иных случаях засветившие чистую перспективу развития советской литературы, ныне рассеяны навечно, и критика теперь может иметь влияние на развитие литературы только в том случае, если она правильно и правдиво судит об ее явлениях.

Слабость Вишневского как художника состоит именно в том, что привалит в такой докостри т. Жданова: в уменьении писателя создать характер, рассмотреть «чистую человеческую коллективу» в шире индивидуальной судьбы, раскрыть «противоречия узкого плана», как противоречия исторические и общественные. Валовой, оптовый подход к своим героям, который восхваляется критиком Вишневского, оптовый подход и пренебрежительное отношение к «узким рамкам» индивидуальной судьбы вызывали сейчас самое резкое осуждение по всем линиям нашей общественной жизни, а проверка временем наших художественных произведений показала, что аналогичный валовой подход в трактовке литературных пер-

сонажей потерпел полный крах в нашем искусстве. Вс. Вишневский, — так говорит критик, — хочет проникнуть в «тайны истории» и с этой целью он сжимает узкие рамки изображения индивидуальной судьбы. Но вот, например, писатель Дмитрий Фурманов, а вслед за ним режиссеры Васильевы скромно назвали свои произведения именем одного человека, индивидуальная судьба которого показались им достойной внимания. И что же? — индивидуальная судьба этого человека оказалась совершенно новым ключом к «тайнам истории», потому что в этой судьбе, в этом изумительном характере, выделенном средствами искусства, выразилась великая героика нашей истории. Вот почему «Чапаев» сохраняет свое значение нормы советского искусства и пока еще непревзойденного образца.

А Яков Ореда из «романа-фильма» Всеволода Вишневского — не человек, не характер, а отвлеченный тезис, декларационный выкрик или барельеф в отрицательном значении этого слова, когда приемы, законные в одном жанре, будучи перенесены в другой, разрушают образ. Яков Ореда от первого своего появления через читателя и на протяжении всех пережитых романом-фильмом оказывается совершенно одинаковым, готовым, все понимающим и все заранее предвидящим деятелем, который поучает всех, а сам не учится ничему. Где это видано, чтобы большевик-руководитель не нуждался в учебе, не вырастал на работе, чтобы действительность не поправляла и не формировала его? В наиболее замечательной сцене пьесы Н. Погодина «Человек из ружья» — там, где Ленин впервые сталкивается с солдатом Иваном Шадриным, поразило так скучно художником то, что, разговаривая с солдатом, Ленин ставит его на одну доску с собой и не только не смотрит на него сверху вниз, а внутренне ощущает его как равного.

Что же сказать о герое романа Вишневского, который (т. е. герой) все знает наперед, ни в чем не ошибается и ничему не учится? Только то, что такими живые люди не бывают, а получаются такими литературными персонажами, порожденные авторами, стремящимися проникнуть в «тайны истории» и в то же время «минимизировать» рамки изображения индивидуальной судьбы. Яков Ореда — не живой, а мраморный или алебастровый.

«Папка была чуть сдвинута на правую бровь, и лицо его, как ветный лик русского пехотинца, было просто». В том-то и беда, что Яков Ореда не лицо, а лик.

«Открытие» товарища Дымшица

Тов. А. Дымшица в своей вступительной статье к стихотворениям С. Насонова («Библиотечка поэта», малая серия, № 48, «Советский писатель», 1937, стр. 35) пишет:

«Обращение к фольклору, очное робкое и не сделавшееся системой, оказалось все же плодотворное влияние на некоторые произведения Насонова. Так, в первом варианте «Святителя» нам

Театр-Кино-Музыка-Живое

ПЕРЕД ПОСТАНОВКОЙ «ПЕТРА I» А. ТОЛСТОГО

В ЛЕНИНГРАДЕ

Пьеса А. Н. Толстого «Петр I», к работе над которой приступил ленинградский государственный театр им. Пушкина, уже третья пьеса того же автора на эту тему. Мне пришлось ставить оба предыдущих варианта. Но я с еще большим увлечением готовился к началу работы, так как сейчас, в сущности, не придется делать заново. Первые две редакции брали тему одиночества Петра, новая же пьеса ярко рассказывает о работах Петра по созданию государства, о том, как он организовал защиту родины и как в борьбе — суровой и жестокой — он победил.

Увлеченность в творчестве Алексея Николаевича то, что, создавая пьесу, проведя ее, получившие и признания и большой успех (второй вариант поставленный в мае 1935 г., прошел за два сезона с полными сборами 160 раз), он не останавливается на сделанном и, вернувшись вновь к теме, находит и новые яркие решения и новые краски для характеристики действующих лиц.

Коллектив театра уделен возможность показать своему зрителю новую пьесу депутата Верховного Совета СССР, любимого писателя — Алексея Толстого.

Заслуженный деятель искусства Б. СУШКЕВИЧ

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.)

«Пьеса и спектакль, которые увидит ленинградский зритель еще в этом сезоне», сообщил в беседе с нашим корреспондентом

В МОСКВЕ

На днях А. Н. Толстой прочел коллективу Государственного ордена Ленина академического Малого театра новый (третий) вариант своей пьесы «Петр I».

Пьеса принята театром к постановке. Работа над ней начнется сразу после того, как будет показана премьера «Ревизора».

В беседе с нашим корреспондентом главный режиссер Малого театра заслуженный артист И. Я. Судакос сказал: «Весь коллектив театра с большим воодушевлением встретил пьесу одного из лучших советских писателей и радостно приветствовал автора. Сейчас все мы увлечены мыслью о предстоящей работе над этим спектаклем, осуществляя такие большие творческие возможности».

«ПЕТР ПЕРВЫЙ» В ЧЕХОСЛОВАКИИ

В Праге, в самом большом кинотеатре «Феникс», уже несколько дней идет долго ожидавшийся здесь советский фильм «Петр Первый». Фильм пользуется колоссальным успехом. Вылеты на все дневные и вечерние сеансы раскупаются заранее, это представляет редкое явление для Чехословакии.

Газеты дают блестящую оценку фильму и советским актерам.

«Кола Брюньон» на оперной сцене

Музыка «Мастера из Кламси»

Не случайно я остановился на замечательной книге Ромэн Роллана «Кола Брюньон».

Полнокровие, жизнеутверждающий оптимизм, умение выйти победителем в любой схватке с жизнью, вкус и любовь к жизни, здоровый, неиссякаемый юмор, за которым таится настоящая, народная мудрость — таковы черты Кола Брюньона, этого старика-художника, рывка по дереву. За эти черты мы любим Брюньона, благодарим им Брюньон близок и понятен нам, хоть и жил он триста лет назад.

Работа над этой оперой поставила много трудностей передо мной и перед автором либретто Вд. Брагиним. Прежде всего чрезвычайно сложной оказалась переделка книги Роллана, написанной в виде дневников Брюньона, в либретто. В итоге длительной работы либретто оперы «Мастер из Кламси» оказалось в значительной степени самостоятельным произведением, хотя бы и написанным по книге Роллана.

Первая моя заплата при написании оперы была — изучение французской народной музыки. Я не подольвался методом цитирования (во всей опере лишь две очень короткие подлинные мелодии), так как считал, что если мне не удастся проникнуться духом и характером французской народной

музыки и передать их в своем произведении, то никакие подлинные темы не спасут оперу от фальши. Не знаю, удастся ли мне на протяжении всей оперы сохранить французский народный колорит, но во всяком случае это было той основной стилистической задачей, которая представляла для меня немалые трудности. При этом я и в моей стилизации не хотел (да и не знал, что это невозможно) отказываться от того музыкального языка, который свойственен мне вообще.

От светлого, почти пасторального хора девушек — сборщик винограда, с которого начинается первая картина, к драматическим напряженным музыке в сцене зверской расправы герцога с искусством Брюньона и к светлему, оптимистическому заключению — таково развитие музыки.

Особое внимание, понятно, я уделил роли Брюньона. Она очень сложна, многообразна и требует большого таланта и мастерства от исполнителя. В ней, наряду с жизнеутверждающими, полными веселья, юмора моментами (ромло во 2-й картине, монолог и песня в 3-й) есть и лирические (ариозо в 1-й и ария в 3-й картине) и очень напряженные по драматизму места (монолог во

время чумы в 4-й картине и монолог в 6-й).

Достаточно сложен и образ герцога, мягкого, вкрадчивого вначале и превращающегося в зверя в 6-й картине. Немалые трудности для актеров представляют и партии Ласочки, Гамби и Жифлара.

Большую и довольно разнообразную роль в опере играют массовые сцены. Сбор винограда, драка (в 1-й картине), песня, пляска и игры (во 2-й картине), восстание (в 5-й картине) и уже менее значительные эпизоды в 3-й и 4-й картинах — все эти сцены должны показать в разных драматических ситуациях французский народ, жителей города Кламси, жизнеутверждающих, жгучих, любящих повеселиться, но в нужный момент готовых стать на защиту своих прав, своей жизни.

Особое значение я придал антрактам и увертюре. Увертюру я мыслил как симфоническую поэму-скерцо, обобщающую образ Брюньона. Антракт между 1-й и 2-й картинами — танцевальная музыка, рвущаяся к картине поездки жителей Кламси к замку. Антракт между 3-й и 4-й картинами — чума, между 5-й и 6-й — восстание. Все это как бы небольшие симфонические картины, связывающие и дополняющие действие оперы. Д. КАБАЛЕВСКИЙ

Исполнитель карельских народных песен на национальном музыкальном инструменте кянтеле, колхозник деревни Чуккойла Пряжского района Карельской АССР — Иван Иванович Любавский (Сокофот)

НА РЕПЕТИЦИЯХ

В Театре сатиры

Последние недели, оставшиеся до премьеры спектакля Мольера «Господин Де-Пурсонья», театр живет напряженной, интенсивной работой. Постановка этого спектакля имеет большое значение для театра: он впервые работает над Мольером и показывает классическую вещь после четырехлетнего перерыва.

Заслуженный артист республики И. М. Горчаков ставит пьесу Мольера в плане музыкальной комедии-балета.

В спектакле много интермедий, диния, танцев.

На сцене занавес с огромными аппликациями в шесть с половиной метров длины. Колоссальное розовое платье с фишками, шегольской желтый камзол фланта-великана, градиановая фигура слуги... Это — главные действующие лица, основные персонажи спектакля: Юлиа, ее отец Аронд, г-н Де-Пурсонья, слуга Соргино.

Сценические репетиции идут с декорациями, с бутфорками, принадлежностями, в костюмах, но еще пока без грима.

С особой тщательностью, помню раз подряд, репетируются музыкальные интермедии, разыгрываемые группой бродячих комедиантов.

Де-Пурсонья играет заслуженный артист Республики Р. Корф и слугу Соргино — заслуженный артист Республики Д. Кара-Дмитриев.

Премьера спектакля Мольера «Г-н Де-Пурсонья» состоится в конце февраля.

В Центральном детском театре

«Громкий стук и грубый окрик прерывают мирную беседу друзей К. Югану Гутенбергу, весело раздвигаящему обученного одного из своих учеников с дочерью комедианта Энгельфа, принявшего прощальные поклоны, принявшие прощальные поклоны и художественно г. Майнца — обидчик гениального изобретателя книгопечатания в колдовстве и черной магии. Монахи хотят разрушить изобретения Гутенберга и уже работающий печатный станок...»

Со всей силой правды, с горячей страстью творца, защищающего любимую идею, Гутенберг пытается убедить этих изуверов, что его изобретение необходимо человечеству.

Горячий монолог мужественного Юганна прерывается неожиданным возгласом: — Повторим сцену! — говорит режиссер. И репетиция продолжается.

Центральный детский театр готовит к постановке пьесу еврейского писателя М. Даниэль, в переводе на русский язык Л. Островера, «Изобретатель и комедиант» (Юган Гутенберг). Актерами романско-историческую тему спектакля, режиссер называет его «Представление об Югане Гутенберге».

В спектакле раскрывается судьба чужестранца и скромного ремесленника, чья гениальное изобретение было использовано в целях личной выгоды.

Обширный гротеск и брошенный в тюрьму, Гутенберг вынужден был подписать кабальный договор на эксплуатацию своего изобретения богатым бюргером — Фустом, братом бюргермейстера.

Носителем светлых идей возрождения является в пьесе второй ее герой, друг Гутенберга Энгельф — странствующий комедиант и хозяин бродячего театра.

Действие пьесы разворачивается в 1450—56 годах в г. Майнца.

Еще артисты не оделись в средневековые платья, еще репетиции идут в тесноватой комнате, но эскизы декораций и костюмов уже пишет художник В. Ф. Рындя, а музыку к спектаклю создает Д. В. Кабалецкий.

Ставит пьесу режиссер И. М. Рапопорт.

Новости кино

«БОГАТАЯ НЕВЕСТА»

27 января в Доме кино состоялся общественный просмотр новой музыкальной комедии «Богатая невеста» (производство Укркинофильм).

«Богатая невеста» — это фильм о быте колхозных женщин, о богатых невестках, имеющих по 400 трудодней. Это картина о том, как колхозно выросла советская крестьянка и какую огромную роль она играет в колхозе.

Режиссер картины Иван Пырьев, в главной роли артистка Л. Лалонина.

Музыка заслуженного деятеля искусств композитора И. Дунаевского. Текст пьесы В. Лебедева-Кумача.

ФИЛЬМ «АНГЕЗУР»

Студия Армения в Ереване закончила съемки историко-революционного фильма «Ангейур». Съемочная группа выехала в Москву для озвучивания фильма.

Картина рисует эпизоды героической борьбы трудящихся Армении за советскую власть. В сьемках, произведенных в живописных горах Зангеура, принимали участие партизаны, герои гражданской войны.

Премьера в Ленинграде — 15 февраля

Ушел вверх и последний залитый солнцем статус его работы. Брюньон стоит за верстаком...

Это мы читаем в либретто. Но пока что еще спущен железный пожарный занавес. На авансцене стоят обыкновенные скамьи и несколько пултов, взятых из оркестра. На скамьях друг подле друга сидят Кола, Ласочка, герцог, Жифлар, юрец...

Дирижер — заслуженный артист РСФСР проф. Б. Э. Хайкин — взмахнул своей палочкой, разбудил скрипки, трубы, флейты... И Кола, оборвав беседу, заел:

«Я парь над своим верстаком. Над лбом усталым, над кистями дождливыми. Как колесо стою с инструментом в руках, пылю, стругаю, сверлишь, тесаю, колотю, долбляю, скобляю, добряю, крошаю человека...»

Мы на репетиции оперы «Кола Брюньон» («Мастер из Кламси») в Малом оперном театре. Идет репетиция солистов. Репетируют третью картину — в мастерской Брюньона. Но вот замолкает оркестр. Проф. Хайкин встает из-за дирижерского пульта. Тяжелая железная занавес медленно ползет вверх. Теперь мы видим и комнату мастера из Кламси; верстак, тяжелые деревянные скамьи, резные дверцы стенового шкафа. В мастерской Брюньона нет еще окна, и сквозь четырехугольную дыру в боковой декорации виден то что сколачивающие театральные плотники. Художники А. Е. Зеленский и Ю. И. Пименов «примарили» огромные декоративные заставки и падути.

Ушел вверх и последний залитый солнцем статус его работы. Брюньон стоит за верстаком...

Это мы читаем в либретто. Но пока что еще спущен железный пожарный занавес. На авансцене стоят обыкновенные скамьи и несколько пултов, взятых из оркестра. На скамьях друг подле друга сидят Кола, Ласочка, герцог, Жифлар, юрец...

Дирижер — заслуженный артист РСФСР проф. Б. Э. Хайкин — взмахнул своей палочкой, разбудил скрипки, трубы, флейты... И Кола, оборвав беседу, заел:

«Я парь над своим верстаком. Над лбом усталым, над кистями дождливыми. Как колесо стою с инструментом в руках, пылю, стругаю, сверлишь, тесаю, колотю, долбляю, скобляю, добряю, крошаю человека...»

Мы на репетиции оперы «Кола Брюньон» («Мастер из Кламси») в Малом оперном театре. Идет репетиция солистов. Репетируют третью картину — в мастерской Брюньона. Но вот замолкает оркестр. Проф. Хайкин встает из-за дирижерского пульта. Тяжелая железная занавес медленно ползет вверх. Теперь мы видим и комнату мастера из Кламси; верстак, тяжелые деревянные скамьи, резные дверцы стенового шкафа. В мастерской Брюньона нет еще окна, и сквозь четырехугольную дыру в боковой декорации виден то что сколачивающие театральные плотники. Художники А. Е. Зеленский и Ю. И. Пименов «примарили» огромные декоративные заставки и падути.

Авторы оперы — композитор Д. Кабалецкий и либреттист В. Брагин продавали трудную работу: по замечательному литературному произведению, но произведению безобразному, написанному в виде дневников Кола Брюньона, они сделали целое драматическое произведение. Талантливому композитору Кабалецкому удалось передать сочность, искренность, жизнеутверждающую образ Кола.

В МАСТЕРСКИХ ХУДОЖНИКОВ РАБОТЫ И ЗАМЫСЛЫ

В настоящее время я работаю над серией работ для выставки «20 лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота». Название этой серии — «Предки и потомки»; тема всей серии — отпор народа иностранной интервенции. В серии фигурируют и предки современных фашистов. Немские рыцари и монахи лезли в нашу страну еще в XIII веке, и как они тогда были побиты и выброшены оттуда доблестным русским войском, так в эпоху гражданской войны 1917—1920 гг. их потомки были побиты и выброшены из нашей страны Красной Армией.

В заключительной картине я показываю, что современные агресоры всех мастей, яростно щелкающие зубами вокруг советских границ, будут также разбиты, выброшены и уничтожены.

Одновременно я работаю над иллюстрациями к двум книгам — «Миргород» Гоголя и «История одного города» Салтыкова-Щедрина.

За Гоголя я взялся с большой охотой, я давно мечтал о рисунках к его произведениям. Привлекают меня гоголевские типы и характер того глубокого юмора, с каким он их изображает, а также его украинские пейзажи.

Работа к «Миргороду» идет у меня слиш-

ком медленно. Годовь за такое время, и какое я делаю иллюстрации к книге, успел бы написать несколько «Миргородов». Приходится часто отвлекаться на множество не всегда важных, но необходимых дел, а «Миргород» укоризненно дожидается, и Иван Иванович сохнет с недорисованным Ипаном Никифоровичем.

Иллюстрации к Салтыкову-Щедриным близки к окончанию. Прежде чем начать рисунки к «История одного города», я решил собрать необходимый материал. У нас хорошо сохранились куски старинной провинциальной архитектуры. Нынчешний летом я был во Местре Ивановской обл., там этой старинной сохранилось достаточно, и эти музейные куски архитектуры помогают мне понять колорит той эпохи. Иллюстрации к «История одного города» я делаю для Детиздата.

А. КАНЕВСКИЙ.

НА ЛЕСАХ НОВОСТРОЙКИ

Мастерская Е. Е. Лансера напоминает кабинет архитектора. Чертежный стол, развернутые листы ватмана, счетная линейка, раскрытая гонимая...

«Декоративно-монументальная живопись», — говорит тов. Лансер, — главная и любимая тема моего творчества.

Вся работа художника проходит в деловом сотрудничестве с архитекторами. Вместе с ними работает он на лесах новостройки — пишет свои панно.

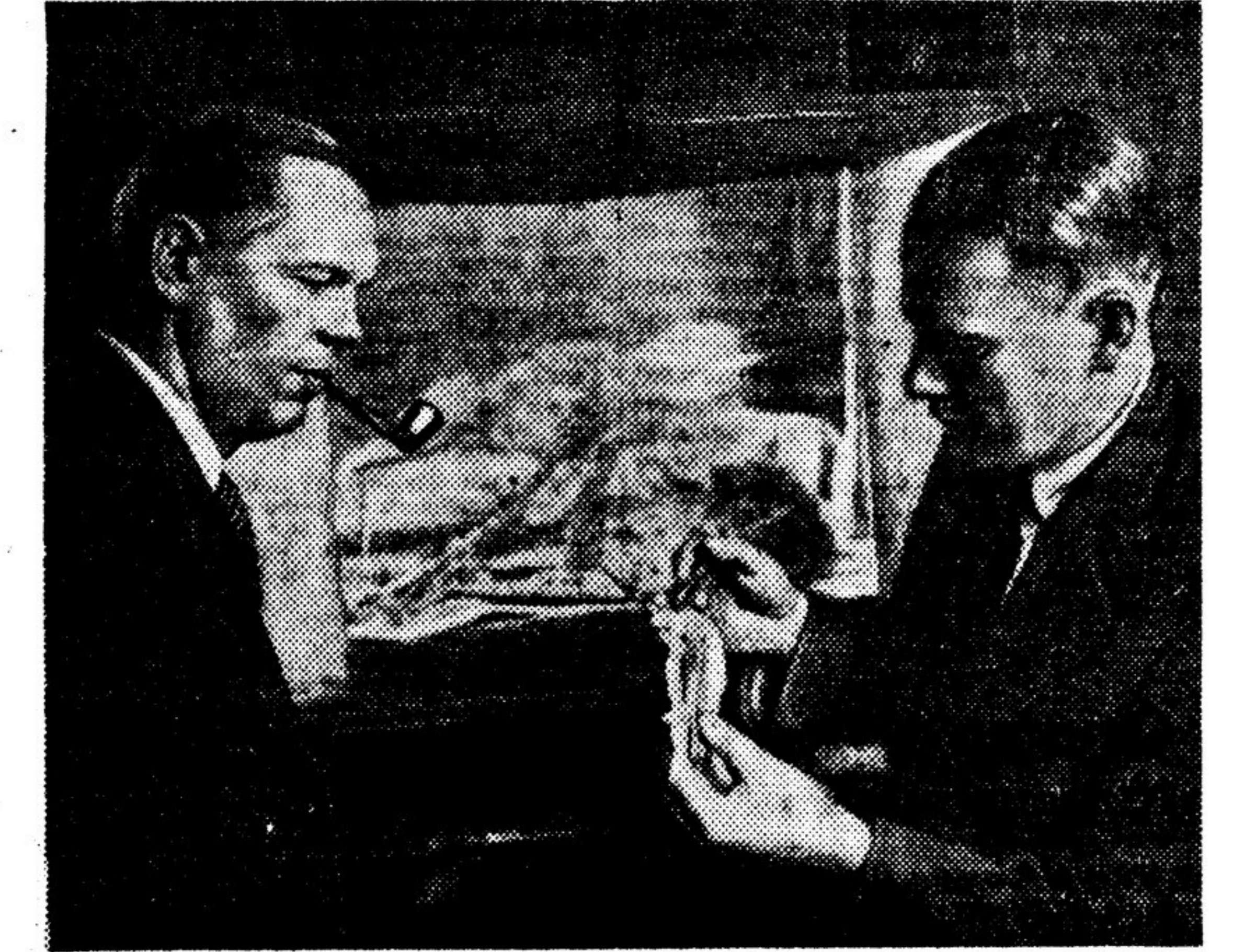
После большого перерыва Е. Лансер вернулся сейчас к работе театрального художника — тотонит оформление спектакля «Горе от ума» в Малом театре.

К реставляционным дням, после путешествия по историческим местам, связанным с памятью великого русского поэта, тов. Лансер закончил восемь эскизов, выставленных на юбилейной выставке в Тбилиси.

Е. Лансер много сил отдает педагогической работе во Всесоюзной академии архитектуры.

Проблема кадров монументалистов, их идеальная творческая вооруженность очень интересуют художника.

«Достаточно», — говорит художник, — назвать строящийся Дворец советов, чтобы понятия стали эти работы. Уже одно это строительство выдвигает перед нами сложные задачи. Нам давно бы следовало приступить к общественной организации своих сил для предстоящей работы по оформлению грандиозного памятника эпохи. Широкий обмен опытом, выставки эскизов, знакомство с персональными достижениями монументалистов — все это должно стать практической программой руководящих художественных организаций.

Камерный театр готовит постановку пьесы А. Первенцева «Кочубей». Постановщик — Н. Охлопков, художник — В. Клобуков. На сьемке: Н. Охлопков (слева) и Б. Клобуков у макета постановки «Кочубей» (Сокофот)

А. ЭРЛИХ

Зал дружно смеется

Вместо рецензии

Зал дружно смеется, глядя на сцену. Смеется в партере, в ложах, в амфиатре, на балконе. Смеется даже капеллиеры в строгих очках, придерживая закрытые двери от заловавших посетителей.

Артистам приходится трудно. Они вынуждены импровизировать дополнительные мизансцены, чтобы заполнить искусственные паузы между репликами: громко хохочущий зал то и дело прерывает ход пьесы.

Некогда фарсовый театр в Петрограде — театр Сабурова — рекламировал свои спектакли в афишах: «Непрерывные раскаты смеха». По обе стороны этих слов располагались, как на стражу, по несколько больших, толстых, восклицательных знаков.

Были у Сабурова отличные актеры, ставил он нередко такие забортные пьески, что в семейных домах не всегда решались пересказывать их содержание. И несмотря на все это, «непрерывные раскаты» выражались в два-три сконфуженных хихикающих за весь спектакль.

Надо присутствовать в советском театре, на веселых и умных советских пьесах «Простая девушка» В. Шваркина и «Сыновья» К. Финна, чтобы почувствовать, что такое настоящие «раскаты смеха», как звучат они, как возбуждают и заражают они.

Советская публика, жизнеутверждающая, испытывающая органическую потребность в смехе и веселье, наслаждается хорошими шутками и тонким юмором на сцене. Так смеяться никогда не могла публика прежняя, старороссийская, ибо жизнь была совсем иная, к смеху и радости не располагавшая.

Театральный сезон перевалил уже за

вторую половину, а мы можем назвать только две новых советских комедии. Несмотря на неизменный и огромный успех, комедий у нас попрежнему мало. Их становится даже меньше. Авторы, не раз показавшие себя хорошими мастерами веселого пьесы, остроумного обозрения, легкого и приятного водевиля, уже много лет не пишут в этом жанре.

Откуда этот разрыв между глубоко ощущаемой потребностью советского зрителя и творческим откликом советского автора?

«Простая девушка», как известно, вызвала суровую отповедь некоторых мудрых рецензентов. Публика восхищенно приветствовала автора и театр, а рецензенты эти бранили и бранили. Хорошо, что недоумение театра было очень скоро рассеяно «Правдой», и спектакль, только что охарактеризованный, как новый провал, как новая неудача, убедительно квалифицирован как новый успех.

«Сыновья» идут второй месяц. В прессе о них еще не было сказано и звука. Даже специальная газета «Советское искусство» до сих пор не успела поразмыслить над спектаклем.

Могут сказать — пьеса не удалась К. Финну. Слабая пьеса. А публика, подли ты, опять хохочет. Взя правду сказать, потому лучше уж не надо, лучше уж помолчим, чтобы и «Сыновья» не подвели нас, как «Простая девушка»...

На такую откровенность рассуждать

трудно. Но если бы нашел вдруг стих чистосердечия и искренности на критиков-приспособленцев, они должны были бы ответить именно так.

В самом деле, обидно! Там, где люди веселятся и шумно хохочут, на долю этого сорта критиков приходится непременно слезы. В непонятной, в необъяснимой вражде к веселому слову хмурые люди разбрали «Простую девушку» как плохую пьесу. А пьеса, оказывается, хорошая. С настоящим содержанием комедийным зерном. С большой темой о воспитательном могуществе советской общественности.

О «Сыновьях» упорно молчат специальные газеты. Хитрые критики стали осматривать. Они догадываются, что хвалить пьесу К. Финна с такой же решительностью, с какой они бранили пьесу В. Шваркина, опасно. Опять могут выпасть на долю им слезы при общем веселье. Опять могут им авторитетно разъяснить, что они ошибаются, вводят в заблуждение театр, не указывают автору на его бесспорные ошибки; опять им могут убедительно возразить, что «Сыновья» вовсе не сильная, а слабая пьеса, и что они, незалучившие люди, похоже, занимают уже очень много лет не своим делом. Во то же время боязно сказать, что пьеса плохая. А как же быть с публикой? Она-то безупречно и шумно выражает свое одобрение пьесе! Во то же время...

И этих «во то же время» набирается без счета. Коварная пьеса «Сыновья»! В безвыходное положение поставила она некоторых случайных ценителей театрального и драматургического искусства, и они впадают в совершенное уныние, они умоляют: «Без настоящей, честной, искренней и вдумчивой критики не может быть расцвета комедийного мастерства, как и вся-

кого иного искусства. Конъюнктурщики и невежественные делеги, то попадающие пальцем в небо, то хранищие самое злое последствие неприязни и осложнений, только вредят делу и отравляют и театры, и авторов от настоящего культа комедии, столь необходимой советскому зрителю».

Среди пьес Константина Финна «Сыновья» занимают особое место. Вовсе не были прежние, выходящие им, лирические персонажи, бесхарактерные декламаторы о красных чувствах, и единственные кадры кабанского образца, и только трогательные старички, с легкостью принимающие на склоне лет правду советской жизни. Военлет Павел, чудная его мать Вадюшка Кузьминична, товарищ Павел — военлет Саша Козлов, и даже профессор математики Карягин, близкий родственник прежних персонажей Финна, — все это полнокровные, уже не выдуманные автором, а из самой жизни выхваченные им образы.

Но наряду с этим, важнейшим для Финна, сдвигом приходится указать на множество существенных недостатков пьесы. Не все действующие лица одинаково удалены К. Финну. Обе молодые женщины, например, Ольга и Ирина, получились бесцветными, бесхарактерными, неопределенными. Уже наша традиционные формы тема героической борьбы наших летчиков за создание могущественного советского воздушного флота. Конечно, это не значит, что громадная тема может считаться в какой бы то ни было мере исчерпанной. Дело лишь в ее разработке, в однообразии положений; в подготовке опасного полета, опасного испытания, как единственного стержня пьесы. Финн избег разветвления и приключения крови в минуту аварии, оставив во всем остальном в пределах установленных уже традиций «летной» устойчивости.

«Сыновья» неудачно сконструированы, много слабее прежних пьес Финна. Мотивировка действия вовсе не отличается глубиной. Психологический узел основан на том, что молодая жена военлета Павла,

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ
ФАБРИК И ЗАВОДОВ

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ АКТИВ
В ДЕЙСТВИИ

Началось это так. Летом прошлого года после обеденного гудка рабочие московского завода «Красный пролетарий», как обычно, отдыхали в своем заводском саду. Постукивали костышками домино. Шушали в руках газетные листы. Велись дружеские беседы. На аллее вдруг появилась телега, доверху нагруженная кипами и т.о.

— Книжка к нам на дачу выехала, смотрите. Это было правдой, — книжки действительно «выехали на дачу», книжки перечедали с душевных полок библиотеки в сад и заняли место в непосредственной близости к читателям. Эта первая инициатива, первая попытка придвинуть книгу к рабочему дала блестящие результаты — в библиотеке сразу же прибавилось триста читателей.

Когда филиал библиотеки поместили в красном уголке первого механического цеха, количество читателей увеличилось на 370 человек.

Но инициатива может идти еще и дальше. При заводской библиотеке был создан литературно-читательский кружок. Кружковцы с книгой пошли в цехи. В обеденный перерыв они стали читать рабочим классические произведения и лучше на советской литературе. За сравнительно небольшое время активисты-читатели и работниками библиотеки прочитано 120 литературных произведений.

Читки сделали то, что люди, никогда не интересовавшиеся чтением, сами стали просить дать им книгу.

Недавно мы были свидетелями такого разговора. В библиотеку приходит долбежник первого механического цеха т. Герасимов. Он книг не читал. После того, как т. Герасимов несколько раз прослушал громкое чтение в своем цехе, он решил и сам почитать книгу. Дали ему М. Шолохова «Тихий Дон». Через три дня долбежник явился несколько сконфуженный.

— Поправилась вам книга?
— Очень. Только жена меня здорово ругала за то, что я за книгой ночи напролет лежал спать.

Сейчас т. Герасимов интересуется литературой о Ленине, книгами на темы гражданской войны.

Наконец, у нас на заводе есть литературная консултация. Сюда идут не поэты и не прозаики, а ищет слова рядовой читатель за советом, кто ему читать и как ему читать. Он здесь получает и совет, а если пожелает, и список книг, с которыми ему следовало бы познакомиться.

Б. АРТУШКИН.

ПО СТРАНИЦАМ
«МНОГОТИРАЖЕК»

Газета «Кировец» Краснознаменного завода им. Кирова, Ленинград

Газета «Кировец» печатает на своих страницах немало стихотворений. Это похвально.

Однако в погоне за количеством стихотворений газета часто забывает об основном — о качестве художественного произведения. В «Кировец» встречается порой просто неграмотные стихи. Чего, например, стоят такие строчки из стихотворения Б. Сузанова в новомодном номере газеты:

«Лейся, песня, лейся
В мире новом!

По пути прямом большевика».

Мы умилительно сохраняем орфографию «Кировца».

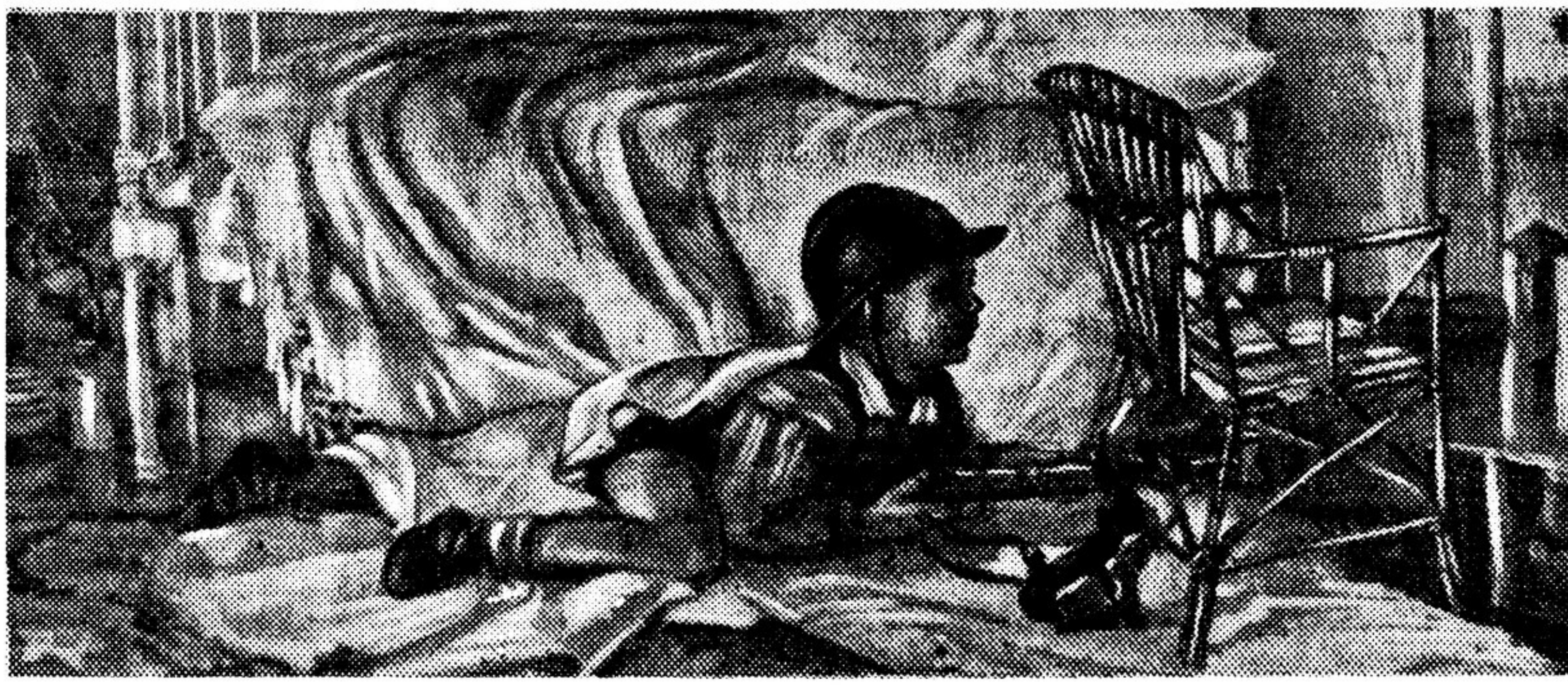
В газете от 11 декабря 1937 г. напечатано стихотворение Н. Алексеевского. С удивлением читаешь:

«...И стихи жалгут
Над Московью синеву».

Непонятно, каким образом красивые стихи могут «жалгут» (!) синеву?

Наблюдательные редакция литкружковцы забывают о том, что стихотворение — это прежде всего художественное произведение. Бесспорно, хорошие стихи печатать нужно в заводской газете. Но «Кировец» должен печатать хоть однажды критическую статью о стихах заводских поэтов.

НИК. ФЛЕРОВ

«Снайпер» — картина художника М. А. Шапошникова для выставки «20 лет РККА».

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ХРОНИКА

Издательство Академии наук СССР выпустило в одной книге грузинский роман XII века «Всерапаня» и переводскую поэму XI века Фавр-Ал-Дина Гурани «Веса и Рамин». Оба эти произведения были известны величайшему грузинскому поэту Шота Руставели, и через их упомянуты Руставели в его гениальной поэме «Витязь в тигровой шкуре».

Киргизский научно-исследовательский институт языка и письменности закончил составление проекта новой орфографии киргизского языка. Несколько новых учебных родного языка находятся в печати. В ближайшее время в г. Фрунзе состоится научная конференция по орфографии киргизского языка.

Гослитиздат Украины в первом квартале 1938 г. выпускает в переводе на украинский язык книгу Фейхтвангера «Сныновья». Ф. Панферова «Творчество», новую поэму И. Муратова «Остан Горбань».

Выходят из печати также книга украинского критика Адельгейма «Два драматургов» — о творчестве украинского драматурга А. Корнейчука и П. Кочерги, книга стихов «Украина» М. Рыльского, поэма Миронца «Цвіте жінка, як калина», роман Васильевской «Вітчизна» и сборник стихов молодого поэта Мальчица.

Гослитиздат Украины выпускает полное собрание (в 8 томах) произведений классика украинской литературы М. Коцюбинского.

По поручению Наркомата просвещения УССР Укрлитиздат выпускает в серии «Школьная библиотека» однотомники классиков украинской литературы Шевченко, Котляревского, Коцюбинского, Франка, Леси Украинки, Мирного, Нецуй-Левинского, Квитко-Основьяненко, Карпенко-Карого, Телешко и других. Некоторые из этих однотомников уже вышли из печати.

В Ленинграде, в Институте литературы Академии наук СССР открылась выставка автографов и редких изданий сочинений Байрона, портретов, иллюстраций к его произведениям. На выставке показаны первое вышедшее в России в 1822 году издание сочинений Байрона, отмеченное типографией департамента народного просвещения, первый полный русский перевод драматической поэмы Байрона «Манфред», изданный в 1828 году, и другие редкие издания.

РЕДКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ДЕТСКИХ КНИГ

Государственный Музей детской книги приобрел у семьи ленинградского профессора Л. Г. Орманского исключительную по своей ценности коллекцию детских книг.

Коллекция насчитывает 1.800 книг. В ней представлены все шедеры русской, французской, немецкой и английской иллюстрации. Имеются русские детские книги, издаваемые до появления литографии в России. Все они раскрашены от руки.

Среди 283 немецких детских книг имеются анциклопедия Базелова с иллюстрациями Ходовского, вышедшая в XVIII веке, книги выдающихся иллюстраторов XIX века Людвиг Рихтера, Поччи, Френха, Адольфа Менцеля и наиболее известных художников XX века.

260 английских изданий также иллюстрированы выдающимися мастерами — Креном, Кальдеттом, Кетт Гриневей, Робинсоном и Долак.

КТО ОТВЕТИТ
ЗА 3-ЛЕТНИЙ ПРОСТОЙ

«Литературную энциклопедию» начало выпускать еще в 1929 году издательство «Коммунистическая Академия». Выпустило оно пять томов. С 1932 года уже Государственное словарно-энциклопедическое издательство выпустило следующие 3 тома «Литературной энциклопедии». Затем издание это перешло Гослитиздату.

Но когда читатель получил 9-й том «Литературной энциклопедии», его терпению настал конец. Советская общественность выступила в «Правде» со справедливой и резкой критикой большинства вышедших томов, полных политических ошибок, невежественных трактовок и вопиющей безграмотности. Советская общественность требовала перестройки работы редакции, требовала умных, грамотных и политических верных статей по истории литературы.

Какой вывод сделала редакция? Срочно был перестроен аппарат. Учреждены были должности ученых редакторов и ученых секретарей, просто редакторов и просто секретарей, наконец технических редакторов и технических секретарей. К работе был привлечен широкий актив. А в результате с 1935 года, с момента перехода редакции «Литературной энциклопедии» в ведение Гослитиздата, ни один том энциклопедии не выпущен в свет.

Три года ученые редакторы и ученые секретари при помощи многочисленной армии литературоведов и критиков работали над созданием очередного десятого тома. Наконец все материалы были готовы, вы-

пущены и отправлены в набор. Авторам уплатили 66,5 тысяч рублей гонорара. А в типографии направили просьбу расписать весь набор десятого тома, 14 тысяч рублей уплатило издательство за набор.

И снова тихо в редакции «Литературной энциклопедии». Отказавшись от злосчастного десятого тома, редакция переключилась на составление одиннадцатого и двенадцатого томов. 188 тыс. рублей уже выделено за материалы для этих томов, но пока что еще материалы не ослы в набор.

Можно ли себе представить, чтобы какой-нибудь завод, фабрика год-два ничего не делала, не выпускала никакой продукции? Смешной вопрос!

В редакции «Литературной энциклопедии» считают, что незначителен и некуда спешить. Ведь значительно спокойнее сидеть, получать ежемесячно зарплату и ничего не издавать. За бездельность никто не ругает. Даже советских писателей ни разу не поинтересовался вопросом, почему в течение трех лет не выпущен ни один том «Литературной энциклопедии»?

Кто в конце концов отвечает за срыв производственного плана, за трехлетний простой редакции, напрасный труд многочисленных литературоведов и критиков, за обман советского читателя?

И кто же в конце концов обеспечит нормальный выход всех последующих томов «Литературной энциклопедии»?

Н. Б.

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ»

Литиздат в этом году продолжает выпуск своей серии «Жизнь замечательных людей». В 1938 году выйдет шесть биографий: Пушкина (автор — А. Шатлов), Горького (второе дополненное издание биографии, написанной А. Роскиным), Чехова (А. Роскин), Чернышевского (А. Цейтлин), Левитана и Кирянского (К. Паустовский).

В 1939 году замечены к изданию биографии Сурикова, Мочалова, Радиева, Добролюбова, Рылева, Байрона, Бомарше, Глинки, Станиславского.

Чтобы осуществить этот план, издательству уже теперь надо начать работу с авторами. Содержание статьи, обзор имени, самый стиль жизнеописания должны быть глубоко продуманы.

Обмену мнениями по всем вопросам, встающим перед писателем и издателем, должно быть посвящено совещание, созванное литиздатской редакцией «Жизнь замечательных людей» совместно с авторским активом.

К сожалению, на совещание пришло очень мало писателей.

БАЙРОН В ГРАВЮРЕ

Гравюрный кабинет Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва) организовал к 150-летию со дня рождения Байрона выставку портретных гравюр поэта.

На выставке представлены гравюры Г. Филлипа (о известном портрете Т. Лавренца «Юный Байрон»), гравюры Э. Шюллера («Байрон 19 лет») и У. Филлана («Портрет Байрона в албанском костюме»).

На выставке показаны также иллюстрации А. Кравченко к «Мистериям» Байрона.

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСНАЯ
КНИГА СТИХОВ НЕКРАСОВА

В селе Миргородщина, Полтавской области (Украина), найдена большая рукопись со стихотворениями Некрасова, переписанными из его сборника, вышедшего в 1856 году.

В 1856 году царское правительство приняло все меры, чтобы изъять и уничтожить весь тираж изданных в том году произведений Некрасова. Все же небольшая часть тиража уцелела. Началось рукописное размножение этих книг. С них снимались копии, книги передавались другим, и таким образом отнюдь не слово поэта получало широкое распространение.

Найденный экземпляр рукописной книги свидетельствует о большой популярности великого поэта на Украине уже в те годы.

Рукопись выполнена с исключительной тщательностью, и читается она как печатная. Но переписчик вносил изменения не только в порядок расположения стихов, но и в самый текст стихотворения. Так, если у Некрасова на первой странице бросалось в глаза его программное произведение «Поэт и гражданин», набранное более крупным шрифтом, то в переписанной книге оно находилось в середине книги. Делалось это, чтобы «обеспокоить» сборник. Интересно, что страница со стихотворением «Поэт и гражданин» переложена красной ленточкой.

Переписчик был очень внимателен, бережно отнесся к тексту Некрасова, но в иных местах сознательно вносил изменения, стремясь усилить революционность стиха.

Например, в «Кольбельной песне» Некрасов говорит:
Будешь ты чиновник с виду
И полней душой,
Прожождать тебя я выйду
И махну рукой.

Переписчик дает такой вариант последней строки:
Прожождать тебя я выйду
И тыкну ногой.

Эти изменения некрасовского текста указывают, в какой читательской среде распространялись рукописные копии его произведений.

Учителя миргородщинской школы передали этот ценный документ в институт украинской литературы им. Шевченко Академии наук УССР. Книга хранится на выставке, посвященной юбилею великого русского поэта и гражданина И. А. Некрасова.

Д. И. КОСАРИН.

Юбилей
Н. С. Тихомирова

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Рабочая общественность 1-й Государственной электростанции отменила 25-летний юбилей литературной деятельности Никитора Семеновича Тихомирова — старшего машиниста 1-й ГЭС и члена союза советских писателей.

Тридцать лет тому назад полуграмотным юношей пришел Никитор Семенович в город из голодной, нищей деревни. В городе он испытывает всю тяжесть жизни рабочего человека в царской России. В поисках работы он попадает в типографию, где ему впервые полагается отклик только что набранного стихотворения Пушкина. Прекрасные стихи великого поэта поразили молодого рабочего, пробудили в нем горячую любовь к поэзии. Он начинает упорно учиться, много читать. В январе 1913 года Н. С. Тихомиров напечатал свое первое стихотворение «Грезы».

За двадцать пять лет Н. С. Тихомиров написал много революционных стихов, сатирических произведений, повестей. Н. С. Тихомиров принадлежит к известному стихотворению «Братья», переделанное на музыку и давно уже ставшее народной песней.

Мы с тобой родные братья,
Я — рабочий, ты — мужик.
Наши крепкие объятия
Смерть и гибель для владык.

Все эти годы Н. С. Тихомиров продолжает работать на производстве. 25-летие литературной деятельности Н. С. Тихомирова совпадает и с его производственным юбилеем: двадцать три года он работает на электростанции. Рабочие любят Никитора Семеновича — одного из лучших производственников предприятия, активного общественного деятеля, старейшего рабочего поэта.

В дни своего литературного юбилея Н. С. Тихомиров написал стихотворение, посвященное В. И. Ленину и И. В. Сталину. Это стихотворение напечатано в ленинском номере ленинградской «Красной газеты».

Ю. ИС.

«ПУТЬ НА КИЕВ»
С. СКЛЯРЕНКО

На последнем собрании секции прозы и оборонной союза советских писателей Украины обсуждался новый роман украинского писателя Семена Скляренко «Путь на Киев».

Выступавшие товарищи отмечали несомненный рост писателя, указали на ряд прекрасных мест в романе. Но в романе встречаются рыцарь, неоплаченные места и длинноты. Говорилось о необходимости более рельефного изображения Шпорца.

Горячее участие в обсуждении романа приняли не только критики, прозаики и поэты, но и преподаватели школ Киева. Отсутствовало только, как и прежде, почти на всех творческих вечерах, руководство союза советских писателей Украины: на собраниях не было ни единого представителя секретариата и правления союза.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ БАЙРОНА

Дом советского писателя и секции переводчиков, поэтов и критиков 25 января организовали вечер памяти Байрона, в связи со 150-летием со дня рождения великого поэта.

Доклад об основных моментах творчества Байрона сделал И. И. Анисимов. Профессор Н. Л. Бродский выступил с докладом на тему «Байрон в России». Затем выступили поэты с чтением своих переводов произведений Байрона. И. Сельвинский прочел перевод предомыслимого стихотворения Байрона «Сегодня мне исполнилось 36 лет», а Г. Шенгели читал отрывки из поэмы «Шильонский узник».

В концертном отделении выступили с чтением произведений Байрона артистка МХАТ Н. Михайловская и лауреат всеюзового конкурса мастеров художественного слова В. Аксенов. Артисты Всеюзовского Радиокомитета Г. Абрамов, П. Озеров, З. Муратова и В. Захаров исполнили отрывки из оперы Моцарта «Дон Жуан».

НОВЫЕ КНИГИ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ИСКУССТВО»
ВЫШЛИ ТЬЕСЫ:

★ «Плутни Салтана» — комедия Мольера в 3 действиях. Перевод Мерцеского, режиссерский комментарий засл. артиста республики Н. М. Горчакова и П. Ф. Гулина. Оформление спектакля С. М. Чехова. (Серия «Репертуар самостоятельного театра»). Цена 3 р. в переплете, тираж 10 тыс. экз.

★ «Гамлет принц Датский» — трагедия В. Шекспира. Перевод Анны Радловой. Советупительная статья К. Державина «Гамлет» и статья проф. М. Морозова «Новый перевод «Гамлета»». Цена в переплете 6 руб. Тираж 10 тыс. экз.

★ «Имиджи» — пьеса в 4 действиях по роману Балзака. Перевод Евг. Танка. Цена 1 р. 80 к. Тираж 6 тыс. экз.

★ «Трамплин юности» — пьеса в 4 действиях Г. Вольфа. Литературный вариант Авторизованный перевод с немецкого М. Левиной. Цена 1 р. 75 к. Тираж 10 тыс. экз.

★ «Фунт Овехуна» («Овечий источник») — пьеса в 3 действиях Лопе де Вега. Перевод с испанского А. Силована. Цена 1 р. 75 к. Тираж 15 тыс. экз.

СБОРНИКИ ДЛЯ ЭСТРАДЫ.
В издательстве «Искусство» вышли следующие эстрадные сборники:
★ «Для эстрады» — фельетоны Г. Рыландина. Цена 2 р. 25 к. Тираж 10 тыс. экз.
★ «Жизнь прекрасна и удивительна» — стихи, песни, рассказы для эстрады. Самодельность, домов культуры, рабочих клубов и т. д. В сборник вошли песни народов СССР и стихи поэтов В. Лебедева-Кумача, А. Суркова и других.

★ «За вечную молодость нашей страны» — стихи, песни, рассказы. Цена 1 р. 20 к., тираж 10 тыс. экз.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЗМЕС» НА ЕВРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ ВЫШЛИ КНИГИ:
★ «Жизнь Илмы Самгина» М. Горького. Перевод Н. Левина. Тираж 4 тыс. экз. Цена 70 коп.
★ «Заря над Днепром» — поэма Перца Маршак. Тираж 3 тыс. экз. Цена 10 руб.
★ «Десят сизак» Л. Контко. Иллюстрации А. Короткина. Тираж 5 тыс. экз. Цена 5 руб.
★ «Мадам Бовари» Г. Флобера. Тираж 3 тыс. экз. Цена 7 р. 50 коп.

«Сюжет
и ситуация»

27 января в гражданской коллегии Московского горсуда слушалось дело, которое является прологом к основному делу об авторстве фильма «Ленин в Октябре» (см. фельетон «Шакалы идут по пятам» в № 5 «Литературной газеты»).

Суд рассмотрел жалобу автора сценария «Ленин в Октябре» тов. Каплера на арест, наложенный горсудом, по ходатайству Пацулина и Штейнаха, на авторские отчисления с постановки фильма.

Героическое стремление приступить к суду до сих пор безвестные, имена и триумфы этого замечательного фильма Пацулина и Штейнаха, как указал при рассмотрении дела их поверенный, базируются на следующих двух неадекватных основаниях. Во-первых, они в 1935 г. выдвинули сценарий «Год семнадцатый» и, во-вторых, по их достоверным розыскам, Москва 20 октября 1935 г. за № 213 препроводила экземпляр этого сценария в ГУК, где он мирно и опочил.

Но авторы не успокоились. Авторы фильма «Год семнадцатый» не решаясь говорить о прямом плагиате, обвиняют т. Каплера в повисновании у них «сюжета и ситуации».

Суд не усмотрел никаких обстоятельств, подтверждающих претензии Пацулина и Штейнаха на славу и 3/4 авторских отчислений с постановки фильма «Ленин в Октябре». Арест с этих авторских отчислений постановлено снять.

Возобновляется издание
сочинений А. Н. Веселовского

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В феврале 1938 г. исполняется 100 лет со дня рождения известного русского литературоведа Александра Николаевича Веселовского. По поручению президиума Академии наук СССР Институт русской литературы возобновляет издание академического собрания сочинений А. Н. Веселовского. В ближайшее время выйдет 16-й том, посвященный сказке.

ИЗВЕЩЕНИЯ

1 февраля, в 7 час. вечера, в помещении редакции «Литературной газеты» состоится совещание московских критиков совместно с критическим отделом редакции. Сообщение о работе критического отдела сделает т. Л. Славин.

На совещание приглашаются тт. В. Александров, И. Андронов, И. Анисимов, И. Вачелин, Н. Вельчиков, А. Волков, А. Воложенев, Е. Гальперин, В. Голицын, В. Гольфендер, Г. Гриб, Г. Гурвич, А. Гурштейн, Демидов, Л. Ленинский, С. Липовский, А. Егудин, В. Ерилов, В. Киприцкий, Ф. Левин, И. Лещнев, М. Лившиц, И. Луцкий, К. Малахов, И. Новик, Ю. Овеша, М. Перцов, М. Розенталь, А. Роскин, М. Серобринский, И. Сергеевич, Ю. Стаский, С. Трубец, А. Тарасенков, Е. Успенвич, Я. Фрид, М. Храпченко, В. Шкловский, А. Эрих, Ю. Юозовский, М. Юнович.

3 февраля, в 2 часа дня, в помещении «Литературной газеты» состоится совещание редакции совместно с бюро секции поэтов и поэтическим активом.

Бюро секции поэтов союза писателей и секция литературы и искусства Дома печати устраивают 2 февраля в Доме печати вечер советской поэзии.

3 февраля, в 2 часа дня, в помещении «Литературной газеты» состоится совещание редакции совместно с бюро секции поэтов и поэтическим активом.

В Доме советского поэта (ул. Воробьевского, 50) в ближайшее дни состоятся следующие лекции и вечера:
2 февраля. Лекция «Техника будущей войны». Читает полковник А. И. Шиманов. Начало в 8 ч. 30 мин. вечера.
3 февраля. Чтение новой поэмы Г. Д. Млинера «Сестры». Читает выступит писательница Республика М. И. Жарова. Начало в 8 ч. вечера.
4 февраля. Творческий вечер М. М. Прохванова, посвященный 10-летию со дня его рождения. Автор отдает доклад о своей литературной работе за пять последних лет и прочтет отрывки из новых неопубликованных произведений. На вечер выступит писательница Ю. Овеша, В. Шкловский. В Первом Отделе из произведения М. Прохванова прочтут заслуженный артист Республики И. Злотоский. Начало в 8 ч. 30 мин. вечера.

3 февраля. Совместно с секцией драматургов организован вечер-старинных французских пьес. Вступительное слово сделает профессор Л. С. Шпор. Затем состоится чтение новых переводов французских пьес: «Адонис» П. Пеллетана, «Кольчипателли» и «Возвращение Пеллетана». Два последних перевода на русский язык впервые. Читает выступит писательница Ю. Овеша, В. Шкловский. В Первом Отделе из произведения М. Прохванова прочтут заслуженный артист Республики И. Злотоский. Начало в 8 ч. 30 мин. вечера.

3 февраля. Совместно с секцией драматургов организован вечер-старинных французских пьес. Вступительное слово сделает профессор Л. С. Шпор. Затем состоится чтение новых переводов французских пьес: «Адонис» П. Пеллетана, «Кольчипателли» и «Возвращение Пеллетана». Два последних перевода на русский язык впервые. Читает выступит писательница Ю. Овеша, В. Шкловский. В Первом Отделе из произведения М. Прохванова прочтут заслуженный артист Республики И. Злотоский. Начало в 8 ч. 30 мин. вечера.

3 февраля. Совместно с секцией драматургов организован вечер-старинных французских пьес. Вступительное слово сделает профессор Л. С. Шпор. Затем состоится чтение новых переводов французских пьес: «Адонис» П. Пеллетана, «Кольчипателли» и «Возвращение Пеллетана». Два последних перевода на русский язык впервые. Читает выступит писательница Ю. Овеша, В. Шкловский. В Первом Отделе из произведения М. Прохванова прочтут заслуженный артист Республики И. Злотоский. Начало в 8 ч. 30 мин. вечера.

3 февраля. Совместно с секцией драматургов организован вечер-старинных французских пьес. Вступительное слово сделает профессор Л. С. Шпор. Затем состоится чтение новых переводов французских пьес: «Адонис» П. Пеллетана, «Кольчипателли» и «Возвращение Пеллетана». Два последних перевода на русский язык впервые. Читает выступит писательница Ю. Овеша, В. Шкловский. В Первом Отделе из произведения М. Прохванова прочтут заслуженный артист Республики И. Злотоский. Начало в 8 ч. 30 мин. вечера.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ И ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
и рассылается подписчикам
ПЕРВАЯ (январская) КНИГА
ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала

НОВЫЙ
МИР

СОДЕРЖАНИЕ:
РЕЧЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА
на предвыборном собрании Олонецкого избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 года в Волховом театре. Сообщение Центральной Избирательной Комиссии.

Оправдать доверие народа.
Ленин и Сталин в творчестве народов СССР: По трем заметкам все исполнено, русский язык. Два сокола, перевод с украинского. Треть бойцов и статуя, перевод с армянского. Слова Сталина: Одет везна, русский язык. Ленинская правда, перевод с французского. Как Федосья Пякшица у Ленина была. А. Малый. Хлопья (сборник). Тараканов, повести. Судья Славинский. О ком поет народ (отрывок из поэмной поэмы о Сталине). Дамуа. Песня о наркомане. Ежов. Мил. Шолохов. Тихий Дон, роман, продолжение. Сергей Марков. — Замокский калитан. Донат, витовый друг, стихотворения. А. Малый. Хлопья. — Возли на захолустье, роман, продолжение.

К двадцатилетию ВЧК-ОГПУ-НКВД. С. Давыдов. — Памяти Феликса Давыдовского. Избранные произведения.

30 февраля. Г. Мезенцев. — Возвращение Эдгар Сноу. — Возли и терок китаянского народа.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО: В. Карпович. — Великий русский поэт Н. А. Некрасов. И. Анисимов. — Байрон. А. Ботин и И. Сельвинский. — Урок советской женщины. К. Ситкина. — Выставка грузинского искусства.

КОВАРНЫМ ИСКАЗИТЕЛЕМ

Боже мой, какие стихи писал этот человек!
Он приходил в редакции и нараспев читал:

На заводе огромном, милом,
Я хочу твой увидеть станок,
Приходи, дорогая, с точилом,
Приходи — перевыполним план!

Читать дальше ему обычно не давали.
— Уходи, дорогая, с точилом, — неужели говорил ему, и на третьей скорости выпроваживали за дверь. Он уходил, приходил опять и снова уходил. Так продолжалось дождь. Все это время он сравнительно бездельно существовал на отступнике, получая с переутомленных редакторов.

Однажды он пришел в редакцию и ушел не сразу. В этот день поэт Ф. Сидоров, о нем — Эф. Жень-Шенский открыл золотую жилу. Он принес в редакцию острохудожественный перевод.

Секрет этого перевода был очень неясен. Ф. Сидоров давно уже приметил столько бойких молодых людей, порвавших со всем редакция. Эти молодые люди орудовали словом «перевод», как патентованной отмычкой. Стихи молодых людей были едва ли не хуже «Дорогой с точилом». Но их печатали. А Ф. Сидорова нет. И как-то на расвете Жень-Шенский занялся темным делом. Он взял детскую книжку «Копилка» и прочел там обизвестные строки: